

КИТАЙСКИЙ БЛАГОВЕСТИНИК

Годъ XI. Вып. 9-10. 1914 г.

Отъ 15-го Июня.

Два года въ запретномъ городѣ.

ГЛАВА IV.

Завтракъ у Императрицы.

Когда мы окончили пить чай, Императрица притягала насъ пойти съ ней въ слѣдующую комнату позавтракать. Послѣ того количества сладостей, какое она съѣла, мнѣ казалось, что она едва-ли сможетъ еще кушать, но скоро мнѣ пришлось увидѣть, что да. Вошедши въ комнату

она приказала, чтобы открыли кушанья, что и было сдѣлано. Ея Величество сѣла на первое мѣсто за столомъ, а намъ приказала стоять на ногахъ. Послѣ чего она сказала: „обычно Императоръ завтракаетъ со мной, когда мы бываемъ въ театрѣ, но онъ стѣсняется сегодня придти, т. к. вы для него еще совершенно новые лица. Я надѣюсь, что онъ со временемъ привыкнетъ къ вамъ и не будетъ такъ застѣнчивъ. Сегодня лучше вы трое покушайте со мной.“ Конечно, мы знали, что это особое благодѣяніе, и благодарили ее особымъ поклономъ до земли, прежде чѣмъ еще начать кушать. Этотъ поклонъ или склоненіе головъ до земли сначала очень утомляло насъ и у насъ очень кружились головы, до тѣхъ поръ, пока мы не привыкли.

Когда мы начали кушать, Ея Величество приказала евнухамъ принести для насъ тарелки и дать намъ серебряные палочки, ложки и пр., при этомъ сказала: „я сожалѣю, что вамъ приходится кушать стоя, но я не могу нарушить законъ нашихъ предковъ. Даже молодая Императрица не можетъ сидѣть въ моемъ присутствіи. Я увѣрена, что иностранцы подумали-бы, что мы варвары, обращаясь такъ съ нашими придворными дамами, и я не желаю, чтобы они что-либо знали о нашихъ обычаяхъ. Вы увидите, что я совершенно веду себя иначе въ ихъ присутствіи, для того, чтобы они не могли меня видѣть въ дѣйствительности.“

Я наблюдала за ней въ то время какъ она говорила съ моей мамой и удивилась, увидѣвъ, какъ она много кушаетъ, послѣ того большого количества сладостей, орѣховъ и пр., съѣденныхъ ею еще въ спальнѣ.

Воловье мясо считалось запрещенной вещью въ предѣлахъ дворца, потому-что грѣшно убивать и кушать то животное, которое работаетъ на насъ. Пища состояла по болѣшей части изъ свинины, баранины, дичи, курицы и овощей. Сегодня свинина была приготовлена въ разныхъ видахъ, красная и бѣлая, красная была приготовлена съ специальнымъ соусомъ, сдѣланымъ изъ бобовъ, которые придаютъ ей красный цвѣтъ и пріятный вкусъ; рубленая свинина съ рублеными бамбуковыми побѣгами; свинина нарѣзанная кубиками и изжаренная съ вишнями; поджаренная съ лукомъ и нарѣзанная тонкими пластами. Это послѣднее блюдо было любимымъ Ея Величества, и я должна сознаться, что оно было вкусное. Затѣмъ было въ родѣ пирога съ яйцами, свининой и мелко-изрубленными и поджаренными грибами; свинина съ капустой и еще съ рѣпой. Курица и баранина были тоже въ нѣсколькихъ видахъ. Въ центрѣ стола стояла очень большая чашка около двухъ футовъ въ

діаметръ изъ того же желтаго фарфора, въ которой были цыплята, утка и крылья акулы въ чистомъ супу. Крылья акулы считаются большими деликатесомъ въ Китаѣ. Кроме того были жареные цыплята и утка. Утка и цыплята были нашпигованы маленькими сосновыми иглами, чтобы придать имъ пріятный запахъ и жареная въ печахъ на открытомъ воздухѣ. Еще одно было блюдо, которое очень нравилось Ея Величеству,—нарѣзанная кожа свинины маленькими пластиками и поджареная до тѣхъ поръ, пока не свернулась колечками, подобно тонкимъ ломтикамъ соленої грудинки.

Согласно обычаю, Маньчжурскій народъ рѣдко когда Ѵстъ рисъ, но очень любить хлѣбъ; и въ настоящее время у насъ былъ хлѣбъ, приготовленный въ разныхъ видахъ, какъ то: печеный, вареный, на пару и жареный; одинъ съ сахаромъ, другой съ солью и перцемъ, нарѣзанный разными формами или испеченный въ красивыхъ формахъ, похожихъ на драконовъ, бабочекъ, цветы и пр., и одинъ изъ нихъ былъ сдѣланъ пантетнымъ пирогомъ. Было много разныхъ пикуль, любимыхъ Ея Величествомъ, а также бобы, зеленый горошекъ и чирожное изъ земляныхъ орѣховъ, которое подается съ сиропомъ изъ сахарного тростника.

Я не много кушала, т. к. я была слишкомъ занята, наблюдая Ея Величество и слушая ея разговоръ, хотя она просила насъ не стѣсняться и кушать, сколько мы желаемъ. Въ добавленіе ко всему, я замѣтила, что мы имѣли много пориджъ; одинъ изъ нихъ приготовлены изъ сладкаго маиса, другія изъ мелкаго желтаго рису (на подобіе птичьихъ сѣмянъ), и Ея Величество сказала, что мы все должны кушать пориджъ послѣ пищи.

Окончивъ завтракать, Ея Величество встала изъ-за стола и сказала: «Пойдемте въ мою спальню и вы увидите молодую Императрицу и придворныхъ дамъ, какъ они будутъ кушать; они всегда кушаютъ, когда я окончу. Въ это время я стояла около двери между двумя комнатами и смотрѣла на молодую Императрицу и придворныхъ дамъ, какъ они спокойно стояли и кушали. Имъ никогда не разрѣшалось садиться за столомъ.

Въ театрѣ же все еще продолжали играть какую-то сказку, но совершенно безъинтересную въ сравненіи съ тѣмъ, что мы видѣли. Ея Величество сидѣла на кушеткѣ въ спальной и пила съ нами чай. Мой читатель можетъ вообразить, какое мнѣ доставляло удовольствіе, видя, какъ со мной обращаются. Въ Китаѣ народъ думаетъ, что ихъ Государь—высшее бытіе и его слово есть тотъ-же законъ. Никто никогда не долженъ открывать своихъ глазъ, разговаривая съ Ея Величествомъ. Это—знакъ великаго уваженія. Поэтому мнѣ

казалось, что эти особенные благодѣянія должны быть необыкновенными. Мы говорили, что Ея Величество имѣть очень свирѣпый темпераментъ, но видя, что она такая добрая и любезная съ нами, разговаривая, какъ мать съ дѣтьми, я подумала, что тотъ, кто сообщилъ мнѣ это, ошибся, а что она на самомъ дѣлѣ была милѣйшая женщина въ мірѣ.

Отдохнувъ немнога, Ея Величество объявила, что намъ уже время возвращаться въ городъ, такъ какъ становится поздно. Она дада намъ восемь большихъ желтыхъ коробокъ съ фруктами и пирожнымъ, чтобы взять съ собой домой. Она сказала моей мамѣ: „скажите Ю-Кенгъ (моему отцу), что я желаю ему скораго выздоровленія и пусть онъ принимаетъ вотъ это лекарство, а также передайте ему эти восемь коробокъ фруктъ и пирожнаго“. Слушая этотъ разговоръ, я подумала, что моему отцу, который боленъ съ возвращеніемъ изъ Парижа, не принесетъ пользы, если онъ покушаетъ этихъ пирожныхъ. Однако, я знала, что онъ оцѣнить ея вниманіе, даже если-бы фрукты были вредны его здоровью.

Можетъ быть, моимъ читателямъ известно, что существуетъ обычай кланяться до земли Ея Величеству, когда она даетъ подарки, и мы поклонились ей и поблагодарили ее за ея доброту и любезность по отношенію къ намъ.

Ея Величество сказала, что мы очень понравились ей, и выразила свое желаніе о томъ, чтобы мы прѣѣхали и остались-бы при дворцѣ на правахъ придворныхъ дамъ. Мы приняли опять это за великое одолженіе и благодѣяніе къ намъ и выразили ей свою признательность. Она просила насъ вернуться черезъ два дня и привести съ собой одежду и вещи, остальное же она обѣщала все устроить сама. Ея Величество показала намъ домъ, въ которомъ мы будемъ жить при дворцѣ. Этотъ домъ заключалъ въ себѣ три большихъ комнаты и былъ расположенъ на правой сторонѣ ея дворца. Ея дворецъ (всегда счастливый дворецъ) находится на берегу озера и считался излюбленнымъ мѣстомъ, гдѣ она проводила большую часть своего времени, читая и отдыхая, а по временамъ катаясь по озеру. Въ этомъ дворцѣ у ней было нѣсколько спаленъ и все онъ находились въ употребленіи.

Осмотрѣвъ домъ, мы отправились въ путь, покинувъ Ея Величество, молодую Императрицу и придворныхъ дамъ, и послѣ долгой и утомительной поѣздки достигли наконецъ своего дома истощенная, но счастливая. Когда мы вошли въ домъ, мы были удивлены, встрѣтивъ нѣсколько снуховъ, ожидающихъ нашего возвращенія. Они привезли каждой изъ насъ по четыре куска императорской парчи

въ подарокъ отъ Ея Величества. Еще разъ мы поклонились и поблагодарили ее за подарки. Подарки, присланныя домой, мы положили на столъ, находящійся въ центрѣ комнаты, и опять поклонились до земли Ея Величеству и просили евнуховъ передать ей, что мы очень тронуты ея вниманіемъ.

Согласно обычаю, мы должны были отдать евнуховъ; и мы дали каждому изъ нихъ по десять таѣдей за беспокойство. Этимъ закончился день, полный событиями и выдающейся въ нашей жизни.

Впослѣдствіи мы узнали, что евнухи, отвозящіе подарки Ея Величества, должны сообщать ей, какъ были они приняты, благодарили ли ихъ за нихъ и что имъ дали; полученное же ими она никогда не беретъ себѣ. Затѣмъ еще многое задала имъ вопросовъ о нашемъ домѣ и о томъ, довольно-ли мы остались ею и такъ далѣе. Евнухи чрезвычайно разговорчивы, и какъ только мы вернулись во дворецъ, они въ первый же день нашего прибытія рассказали сами все намъ.

Моя мама была очень обезпокоена поѣздкой во дворецъ, не зная, какъ оставить больного отца, но мы не могли не повиноваться приказу Ея Величества, поэтому возвратились обратно въ назначенный срокъ.

Первый день нашего пребыванія при дворѣ былъ очень беспокойный для насъ. Пріѣхавъ, мы пошли и поблагодарили Ея Величество за присланные подарки, которые она послала намъ. Сегодня-же былъ назначенъ приемъ Русской дамѣ Госпожѣ Плансонъ, женѣ Русского Посланика въ Китаѣ, которая привезла миниатюрный портретъ Русской Императорской фамиліи, какъ подарокъ отъ Царя, Вдовствующей Императрицѣ. На ея вопросъ, могу-ли я говорить по-русски, я отвѣтила, что нѣтъ, но что многие Русскіе говорятъ по-французски, что, видимо, удовлетворило ее. Однако, она сказала: «Почему вы не сказали мнѣ раньше, что не знаете русскаго языка?» и въ то же время посмотрѣла на одну изъ придворныхъ дамъ, изъ чего я заключила, что кто-то подшутилъ надъ ней, потому что она, казалось, оцѣнила тотъ фактъ, что я сказала ей правду,—это и оказалось въ дѣйствительности: одна изъ придворныхъ дамъ уволена за то, что она ссылалась на знаніе иностранныхъ языковъ, а на самомъ дѣлѣ оказалось, что не знаетъ ни одного изъ нихъ.

Кромѣ этого приема было представление въ театрѣ и церемонія просватанія племянника Ея Величества. Это сватовство было устроено, согласно Маньчжурскому обычаю, двумя принцессами

императорской фамилии, пошедшими въ домъ будущей невѣсты, которая сидѣла на кровати, скрестивши ноги, съ закрытыми глазами, ожидая ихъ прихода. Когда онъ прибыли въ домъ, онъ прошли прямовъ спальню и положили изображеніе, называемое Жу-И, сдѣланное изъ чистаго нефрита, около 1½ фут. въ длину, въ ея руки и повѣсили два шелковыхъ прекрасно-вышитыхъ маленькихъ кошелька поверхъ ея халата; въ каждомъ изъ нихъ было по золотой монетѣ. На пальцы надѣли два золотыхъ кольца съ надписью Да-си (великое счастіе); изображеніе Жу-И означаетъ «исполненіе желаній».

Во время этой церемоніи была абсолютная тишина, и тотчасъ по окончаніи ея принцессы возвратились во дворецъ и сообщили Ея Величеству объ окончаніи оной.

ГЛАВА V.

Насъ никто не предупредилъ заранѣе о томъ, что въ этотъ самый день должна пріѣхать къ Ея Величеству жена Русскаго Посланника. Узнавъ о семъ, мы сказали Ея Величеству, что намъ нужно перемѣнить наши костюмы для пріема такой дамы, такъ какъ на насъ были будничныя, короткія платья. Причина сему была та, что во дворцѣ не было ковровъ, а голый кирпичный полъ въ первый-же нашъ пріѣздъ во дворецъ испоргиль наши прекрасныя бархатныя красныя платья; кромѣ того: неуклюжіе евнухи все время наступали на наши шлейфы. Поэтому мы рѣшили, что короткіе костюмы на каждый день будутъ практичны. Ея Величество спросила: “Зачѣмъ вы думаете перемѣнить ваши костюмы? Мнѣ кажется, что сегодня вы высматриваете много лучше, не волоча вашихъ трэновъ позади васъ по полу. Вѣдь смѣшна идея имѣть платья съ хвостами, и это я замѣтила въ первый день вашего пребыванія во дворцѣ.” Прежде чѣмъ мы усѣѣли ей что-нибудь отвѣтить, она сказала: „Я вижу, что со шлейфами платья для большихъ выходовъ и пріемовъ, не правда-ли?“ На что мы ей кивнули головой въ знакъ согласія. „Тогда пойдите и одѣньте ваши великолѣпныя платья сейчасъ-же“. Мы тотчасъ же пошли и перемѣнили ихъ. На сестрѣ и мнѣ были платья изъ розового крепа, отѣланныя брюссельскими кружевами съ прозрачными вставками и такого же цвета chiffon. На мамѣ же было сѣрое креповое съ черными розами, а воротникъ и кушакъ были слегка отѣланы голубымъ атласомъ. Намъ пришлось одѣваться съ большой поспѣшностью, такъ какъ Ея Величество уже послала евнуховъ посмотреть, готовы-ли мы. Когда

она увидѣла насъ, она воскликнула: „Вотъ три волшебницы съ длинными шлейфами... Затѣмъ спросила насъ: “Не устаете ли вы таскать ваши шлейфы въ рукахъ, когда ходите? Костюмы прелестны, но мнѣ не нравятся ваши трэны; по моему, совершенно нѣтъ смысла имѣть такую вещь, — какъ трэнъ. Я удивляюсь, что эти иностранцы подумаютъ обо мнѣ, увидѣвъ васъ одѣтыми по-европейски. Яувѣренна-имъ не понравится эта идея. Моя же причина се- му та я хочу, чтобы они знали, что я имѣю понятіе о вкусахъ ихъ одѣждъ.—Я должна сказать, что ни одна изъ иностранныхъ дамъ не была такъ великолѣпно одѣта, какъ вы трое сейчасъ. Миѣ ка- жется, что иностранцы не такъ богаты, какъ Китайцы. Я также замѣтила, что они носятъ очень мало драгоцѣнныхъ вещей. Я слы- шала, что у меня больше всѣхъ на свѣтѣ драгоцѣнныхъ вещей и, однако, съ теченіемъ времени я пріобрѣтаю ихъ все болѣе и болѣе.“

Мы были очень заняты приготовленіемъ къ пріему Госпожи Плансонъ, которая прибыла въ 11 часовъ и была встрѣчена моей сесгрой въ пріемной комнатѣ въ первомъ дворѣ, а оттуда она про- вела ее въ пріемный залъ, Ренъ-Шу-Діенъ, гдѣ ее приняла Ея Величество, которая сидѣла на своемъ большомъ тронѣ, что находился на возвышеніи. При этомъ присутствовалъ Императоръ, си- дяцій по лѣвой руке Ея Величества, а я стояла по правую и пе-реводила ей разговѣръ. На Ея Величествѣ былъ желтый прозрач- изъ атласной парчи халатъ съ вышитыми мальвами и китайскими іероглифами Шоу (на многія лѣта), отдельный золотымъ аграман- томъ. На платьѣ была великолѣпная жемчужина величиною въ яйцо, а также множество браслетовъ, кольца и золотые ногтяные защи- тители. Волосы-же были причесаны, какъ обыкновенно.

Когда Госпожа Плансонъ вошла въ залъ, моя сестра подвела ее къ ступенямъ трона и она поклонилась Ея Величеству, поздор- вилась съ ней за руку, при этомъ она приподнесла ей фотографію Русской Императорской фамиліи. Ея Величество сказала очень хо- рошій спичъ, въ которомъ выразила благодарность за полученный подарокъ отъ Царя и Царицы. Я перевела ея спичъ по-француз- скіи Госпожѣ Плансонъ, такъ какъ она не понимала по-Китайски. Послѣ сего Ея Величество сказала мнѣ подвести Г-жу Плансонъ къ Императору, что я и сдѣлала. Онъ всталъ, когда она подошла къ нему, поздоровался съ ней за руку и освѣдомился о здоровье Ихъ Величествъ. Ея Величество вмѣстѣ съ Г-жей Плансонъ про- шли въ ея личный дворецъ, въ тотъ, въ которомъ такъ много было спальныхъ комнатъ, и бесѣдовали тамъ около десяти минутъ. За- тѣмъ я пошла съ ней къ молодой Императрицѣ. Маньчжурскій за-

конъ очень строгій относительно свекрови и невѣстки. Поэтому молодая Императрица сидѣла за ширмой позади трона во время аудиенціи, гдѣ мы и нашли ее. Отсюда мы пошли въ залъ, въ которомъ даются большиe обѣды, гдѣ и былъ набранъ завтракъ въ Маньчжурскомъ стилѣ.

Здѣсь я должна объяснить разницу между обычаемъ єды Китайскимъ и Маньчжурскимъ. Китайцы подаютъ чашки съ пищей, ставить въ центрѣ стола, и всякий беретъ и кушаетъ съ общаго блюда палочками, кто что желаетъ. Маньчжуры же кушаютъ совсѣмъ иначе: каждому даютъ чашки и отдѣльныя тарелочки, какъ и въ другихъ странахъ. Ея Величества очень гордилась этимъ, говоря что это сокращаетъ время, не упоминая о томъ, что это чище. Пища во дворцѣ всегда была очень хорошая и чистая, въ особенности, когда мы принимаемъ иностранныхъ гостей и, конечно, мы имѣли большое разнообразіе блюдъ для подобныхъ случаевъ, такъ, напримѣръ: крылья акулы, пуддингъ изъ птичьихъ гнѣздъ, не упоминая уже о большомъ количествѣ прочихъ яствъ.

Сегодня утромъ я убирала сама столы по приказу Ея Величества и, дѣйствительно, они выглядывали очень мило, когда мы сѣли кушать. Кромѣ обыкновенной столовой посуды, были особыя подставки для мэню въ видѣ золотыхъ драконовъ, маленькия серебряные блюдечки, имѣющія форму персиковъ, наполненные миндалемъ и сушеными сѣмечками, а также ножи и вилки въ добавленіе къ палочкамъ.

Ея Величество и Императоръ никогда не кушаютъ съ гостями, поэтому Г-жу Плансонъ угощала Императорская Принцесса и придворныя дамы. Когда завтракъ былъ на половину оконченъ, вошелъ евнухъ и сказалъ мнѣ, что Ея Величество желаетъ видѣть меня сейчасъ-же. Мнѣ тотчасъ же пришло на мысль, что что-нибудь мы сдѣлали неправильно, или же евнухи не такъ сообщили,—рудная придворная привычка; и я была весьма удивлена найдя ее улыбающейся. Она сказала мнѣ, какая милая и вѣжливая Г-жа Плансонъ; она видѣла много дамъ, прѣѣзжающихъ во дворецъ, но не съ такими манерами, какъ эта, и она сожалѣеть даже сказать, что некоторые изъ нихъ вели себя нехорошо. Она сказала: “Онѣ, кажется, думаютъ, что мы-Китайцы-ничего не понимаемъ и смотрятъ низко на насъ. Я замѣчаю эти вещи очень скоро и удивляюсь видѣть людей хорошо образованныхъ и просвѣщенныхъ, но не умѣющихъ себя вести. Я думаю, мы, которыхъ они называютъ варварами, гораздо болѣе просвѣщеннѣе ихъ и имѣемъ лучшія манеры“. Она всегда была очень вѣжлива съ иностранными дамами,

не обращая вниманія, какъ онѣ себя ведутъ, но когда онѣ уѣзжаютъ, она говорила намъ, кто изъ нихъ хороши, а кто нѣтъ. Окончивъ этотъ разговоръ, она дала мнѣ великолѣпный зеленый нефритъ для передачи Г-жѣ Плансонъ. Когда я отдала его ей, она пожелала сама лично поблагодарить Ея Величество; и я опять провела ее во дворецъ.

Позавтракавъ, она сказала мнѣ, какъ она довольна пріемомъ Ея Величества и ея добротой, оказанной по отношенію къ ней; затѣмъ, простившись, отправилась въ обратный путь. Мы проводили ее до приемной залы, где ее ожидали носилки. У Ея Величества былъ заведенъ обычай, чтобы послѣ того какъ уѣдутъ всѣ гости, мы должны пойти и сообщить ей о всемъ. Мнѣ кажется, что она ничуть не отличалась отъ прочихъ женщинъ въ этомъ отношеніи и тоже любила посплетничать немного. Ей желательно было знать, что сказала Г-жа Плансонъ, понравился ли ей нефритъ и довольна ли она осталась завтракомъ и пр.

Ея Величество осталась очень довольна моимъ переводомъ и сказала: "Мнѣ никогда никто не переводилъ такъ хорошо. Хотя и не понимаю языка, но я сразу могу видѣть, что вы говорите плавно. Какъ вы научились? Я никогда не позволю вамъ покинуть меня. Иногда европейцы привозятъ съ собой своихъ переводчиковъ, но я не могу понимать ихъ по-китайски и должна всегда угадывать, что они говорятъ; въ особенности нѣкоторые изъ миссіонерокъ, что беретъ съ собой Mrs. Conger. Я очень счастлива имѣть васъ и желаю, чтобы вы остались при мнѣ такъ долго, сколько я проживу, а я постараюсь васъ выдать замужъ, но не скажу вамъ сейчасъ, за кого."

Я чувствовала себя очень счастливой, слушая Ея Величество, и думала, что я сдѣлала мой дебютъ при благопріятномъ предзначеніи, и была очень рада, что понравилась ей; но вопросъ о замужествѣ беспокоилъ меня и не выходилъ изъ моей головы. Когда я рассказала о всемъ мамѣ, она просила меня не тревожиться, такъ какъ я всегда могу отказаться, когда придетъ время. Когда сообщили о всемъ Ея Величеству относительно Г-жи Плансонъ, она отпустила насъ на покой, такъ какъ мы встали очень рано и слишкомъ много работали. Мы поклонились ей согласно обычаю и, сказавъ „спокойной ночи“, удалились.

Извините за длинную главу, но это было необходимо для полноты повествования. Я надеюсь, что вы не будете зевать, когда я буду продолжать историю. Я буду хри-

На берегу реки Пасигъ, въ Китаѣ, и понынѣ существуютъ развалины нѣкогда стоявшей здѣсь часовни во имя святаго Николая.

По преданию, часовня эта была построена китайцами, и здесь происходили богослужения, совершаемые китайским ламой; и ежегодно, въ день 6 декабря, въ часовнѣ св. Николая совершалось цѣлое паломничество, которое, какъ говорить, происходит тамъ и въ настоящее время.

Откуда-же у китайцевъ не-христіанъ (есть и христіане китайцы, но ихъ очень мало) такое почитаніе чудотворца Николая?

Краткое, устное, преданье говорить такъ

Очень давно, по реке Пасигъ плылъ въ лодкѣ, возвращаясь къ себѣ домой, китаецъ, купецъ Сюнь-Ли-Хо.

Сюнь-Ли-Хо торопился домой радостный, такъ какъ торгъ его удался, и онъ взялъ большой барышъ.

Но вдругъ видить, что къ его шампунѣкѣ (китайская лодка) приближается громадный крокодиль.

Минуты Сибнь-Ли-Хо были соткены, и онъ съ ужасомъ смотрѣлъ на приближающееся къ шампуньѣ страшное чудовище, которое отъ него оставить одно воспоминаніе въ сердцахъ жены и дѣтей.

Вспомнилъ Сюнь-Ли-Хо, что при посѣщении русскихъ кораблей онъ видѣлъ и слышалъ, съ какимъ почитаніемъ русскіе моряки относятся къ св. Николаю, что на каждомъ кораблѣ, и даже маленькомъ суденышкѣ, есть непремѣнно икона Чудотворца, и что ему, Сюнь-Ли-Хо, много рассказывали тѣ же моряки хорошаго о св. Николаѣ.

Все это быстро пронеслось въ памяти Сюнь-Ли-Хо, а крокодиль медленно но вѣрно приближался и Сюнь-Ли-Хо уже чувствовалъ дыханіе смерти.

И взмолился Сюнь-Ли-Хо къ Чудотворцу, прося его совершить чудо и спасти отъ ужасной смерти въ пасти крокодила.

Что будетъ съ моей бѣдной бабушкой (бабушка — жена) и моими маленькими дѣтьми, о чудотворець и покровитель русскихъ моряковъ, св. Николай! Спаси меня, спаси!

Такъ взвывалъ погибающій Сюнь-Ли-Хо.

Еще мгновенье, и крокодилъ уже ударомъ опрокинулъ шампуньку и Сюнь-Ли-Хо отъ страха зажмурилъ глаза, ощущая себя уже въ крокодиловой пасти.

Но—вдругъ... крокодилъ, какъ-бы пораженный ударомъ, замертье перевернулся на спину, и его трупъ понесло теченiemъ внизъ по рѣкѣ.

Сень-Ли-Хо быть спасенъ

По возвращеніи домой, онъ разсказалъ односельцамъ и въ городѣ на рынкѣ о томъ, что съ нимъ было, и какъ его спасъ русскій святой, чудотворецъ Николай. Черезъ некоторое время на деньги, собранныя китайцами между собою, была выстроена часовня во имя св. Николая, развалины которой сохранились и до настоящаго времени, и сюда, попрежнему, стекаются китайцы, для возданія почестей св. Николаю.

Во Владивостокѣ, гдѣ много китайцевъ, зачастую можно слышать отъ

нихъ, что «Николайшибко хороший святой!»

Такъ, всѣмъ, прибывающимъ за помощью къ Святителю Николаю, скоро помогаетъ великий угодникъ Божій, и чутъ его за это многіе иновѣрцы (даже магометане).

Мих. Мукаловъ.

(«Русскій Паломникъ»).

Изъ жизни Миссіи.

I.

Праздникъ всѣхъ св. Мучениковъ.

14 лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ надъ Пекинской Духовной Миссіей и ея паствой разразилась страшная гроза. Въ 1900 г. боксеры, видя въ европейцахъ и христіанствѣ причину всѣхъ несчастій, претерпѣваемыхъ родиной, рѣшились изгнать всѣхъ европейцевъ и уничтожить христіанство въ Китаѣ. Европейцы пострадали немнога, но за то вся тяжесть гоненій обрушилась на христіанъ китайцевъ; они преслѣдовались, скатались, убивались безъ различія пола, возраста и состоянія. Что пережили тогда бѣдные, смиренные, кроткіе христіане, повинные только въ томъ, что они были учениками Христа, членами Церкви Христовой, трудно передать. На основаніи разсказовъ очевидцевъ, тѣ христіане, которымъ не удалось найти пріютъ въ европейскихъ миссіяхъ, испытали тяжелыя минуты; въ теченіе многихъ дній они не знали, что съ ними будетъ, смиренно покоряясь волѣ Божіей. Многіе православные христіане собрались въ домъ священника при Миссіи, о. Митрофана Цзи, но это не спасло ихъ; въ ночь съ 10-го на 11-ое июня Миссія была разрушена; а потомъ, чрезъ нѣсколько дній, домъ священника сожгены и всѣ, находившіеся въ немъ, были избиты. Самъ священникъ принялъ мужественно мученическую смерть. Другіе скрылись въ покинутыхъ фанзахъ, даже въ колодцахъ, но ихъ находили и тамъ. Тѣла ихъ были брошены въ колодецъ на дворѣ Миссіи. Многихъ изъ нихъ стводили къ кумирнѣ за Аньцзинмынскія ворота, заставляя ихъ отрекаться отъ Христа, но они мужественно претерпѣвали всѣ мученія и тамъ же на площадкѣ были казнены. Тѣла ихъ закапывались въ землю. Только около половины всей паствы сохранили свою жизнь. Что было ими пережито во гремя гоненій, когда они ни одну минуту не могли быть спокойны за свою жизнь! что переживали они, когда, возвратившись послѣ гоненій домой, они нашли разрушенныя фанзы и многихъ близкихъ людей, родныхъ и знакомыхъ, убитыми, часто даже неизвѣстно гдѣ. Оставшіеся православные христіане были въ Августѣ отправлены вмѣстѣ съ русскими членами Миссіи въ Тяньцзинь, гдѣ и прожили въ самомъ бѣдственнѣмъ положеніи нѣсколько мѣсяцевъ. Только потомъ они стали понемногу возвращаться на свои пепелища и вновь устраиваться. Съ 1902 г. приѣхали, наконецъ, новая Миссія на старое пепелище и начала созидать новую Миссію, какъ виѣшне, такъ и внутренне. Были возведены новые постройки, расширена площадь владѣнія. Естественно, что однимъ изъ первыхъ дѣлъ новой Миссіи было—воздать дань уваженія и почитанія хри-

стінамъ, претерпѣвшимъ мученическую смерть. Въ 1903 г. было произведено разслѣдованіе, всѣ останки ихъ извлечены изъ колодца и изъ земли и погребены въ склепѣ, надъ которымъ былъ воздвигнутъ имъ памятникъ—каменный храмъ: въ нижнемъ этажѣ съ церковью во имя всѣхъ св. Мучениковъ, а въ верхнемъ—во имя Св. Николая. Этотъ храмъ такъ и назыв. мученическимъ. Въ правомъ нижнемъ предѣлѣ его устроена крещальня съ мраморной купелью.

Быть установленъ праздникъ 10-11-е Июня; это—чисто мѣстный Пекинскій праздникъ, но вѣдь Китайская церковь есть неотдѣлимая часть всеіленской Православной Церкви, которая должна принимать участіе въ радостяхъ и скорбяхъ Китайской церкви. Праздникъ состоить изъ двухъ частей—корбно-покаянной и радостно торжествующей. Праздникъ начался съ 9-го Июня: въ этотъ день совершена была исповѣдь всѣхъ учащихся въ миссійскихъ школахъ и другихъ православныхъ китайцевъ и братіи. Въ тотъ же день о. Арх. С. произвелъ испытаніе всѣхъ оглашенныхъ. Въ 6 часовъ вечера въ церкви всѣхъ св. Мучениковъ была совершена заупокойная всенощная; на литію и паастасъ выходилъ о. Арх. Симонъ, о. С. и о. С. На єктеніяхъ поминались православные христіане, пострадавшіе за вѣру во Христа. Пѣть хоръ учениковъ по-русски. Такъ какъ церковь небольшая, то весь народъ, кроме учащихся, стоялъ на дворѣ; послѣ всенощной было прочитано вечернее правило ко причащенію; всю ночь читалась Псалтирь. На слѣдующій день тамъ же о. Арх. Симонъ въ сослуженіи о. о. С. и С. служилъ заупокойную литургію, за которой пріобщались всѣ учащиеся, служащіе въ Миссіи и другіе христіане. По окончаніи ея была отслужена панихида по-русски. Тихо раздавались скорбныя пѣснопѣнія, говорящія о бренности всего земного и утѣшающія надеждой на упокоеніе въ сelenіяхъ праведныхъ. Въ 10 часовъ утра въ крещальной было совершено крещеніе оглашенныхъ; они были раздѣлены на двѣ партіи; сперва о. Игуменомъ Х. были окрещены мужчины и дѣти. Послѣ миропомазанія всѣ новокрещенные въ бѣлахъ одеждахъ со свѣчами, во главѣ съ о. Х. обошли трижды съ пѣніемъ "елицы во Христа крестистеся, во Христа облекостеся" вокругъ церкви и затѣмъ поднялись наверхъ въ церковь Св. Николая, гдѣ и былъ законченъ обрядъ. Затѣмъ свящ. о. С. Чанъ окрестилъ женщинъ и дѣвочекъ. Послѣ крещенія всѣ новокрещенные пошли въ проповѣдническій залъ, гдѣ имъ было сказано наставленіе катехизаторомъ. Въ день 10-го Июня установленъ строгій постъ: ни обѣда, ни ужина не полагается. Въ 3 часа дня въ Успенской церкви о. С. отслужилъ малую вечерню. Въ 6 часовъ вечера тамъ же началась торжественная всенощная; на престолѣ было красное бархатное облаченіе. Всѣ священнослужители были въ красномъ облаченіи. Вся церковь освѣщена электричествомъ. На литію выходилъ о. Арх. Симонъ со всѣмъ духовенствомъ. Послѣ шестопсалмія свящ. о. Сергій Чанъ произнесъ поученіе о страданіяхъ св. мучениковъ, претерпѣвшихъ всевозможная мученія—огнемъ, мечемъ, разными орудіями пытки,—и удостоившихся мученическаго вѣнца въ царствіи Христовомъ. На величаніе вышелъ о. Арх. Симонъ со всѣмъ духовенствомъ. Глубокое впечатлѣніе производить величаніе: "величаемъ вѣсть, страстоте рпцы святіи". . . О. Арх. Симонъ прочелъ Евангеліе по-славянски, а о. С. Чанъ по китайски. Послѣ величанія всѣ христіане прикладывались къ св. иконѣ и помазывались слеемъ. Къ сожалѣнію, уже часовъ съ 4-хъ погода стала хмуриться; весь вечеръ шелъ сильный дождь; поэтому постороннихъ христіанъ было немного.

На слѣдующій день къ 4 часамъ утра стали собираться въ церковь. Въ 4

чата быть отслуженъ водосвятный молебенъ. Литургію служилъ о. Арх. Симонъ со всѣмъ духовенствомъ Миссіи. Всѣ новокрещеные стояли въ бѣлыхъ одѣяхъ и пріобщались Св. Таинъ. Катехизаторъ Амвросій Юй сказалъ поученіе о жизни и страданіяхъ Св. мучениковъ: Єоедвра, Трифона и Гордія, присоединивъ разсказъ о мученической смерти Иннокентія Фань и его семье.

Послѣ литургіи начался молебенъ всѣмъ св. Мученикамъ съ крестнымъ ходомъ. Въ виду дождливой погоды пришлось отложить обычный крестный ходъ на кладбище и на мѣсто, гдѣ были замучены многіе изъ христіанъ; крестный ходъ прошелъ къ церкви всѣхъ св. Мучениковъ, гдѣ была отслужена літія, затѣмъ къ мѣсту, гдѣ находился прежде домъ свящ. о. Митрофана Цзи, разрушенный въ 1900 г. (теперь тамъ стоитъ крестъ), и на мѣсто первоначального погребенія мучениковъ. По возвращеніи крестного хода въ церковь, продолжался молебенъ, закончившійся многолѣтіемъ. Затѣмъ всѣ православные китайцы (новокрещеные, ученики) направились въ столовую, гдѣ была для нихъ приготовлена праздничная трапеза. Въ этотъ день всѣ были освобождены отъ работъ и занятій. Дождливая погода повліяла на торжественность празднества, въ предшествующіе года крестный ходъ, съ хоругвями, съ пѣніемъ по улицамъ къ кладбищу, всегда привлекалъ многихъ язычниковъ. Въ этотъ разъ празднество вышло скромное, но внутреннее значеніе его все то же. Вся Миссія вспоминаетъ въ эти дни кровавыя события, послужившія началомъ возрожденія и нового расцвѣта Миссіи. Многіе изъ настоящихъ духовныхъ чадъ Пекинской Миссіи потеряли въ эти дни своихъ близкихъ—родителей, братьевъ, сестеръ, дѣтей. Теперь ослабѣла горечь утраты, зато усилилось благоговѣйное чувство къ этимъ близкимъ людямъ, удостоившимся особой милости Божіей—принять мученический вѣнецъ за Христа. Мы же, люди посторонніе, переживаемъ въ эти дни особия чувства: невольно воспоминанія переносятся къ тѣмъ православнымъ, которые отличались разными немощами, можетъ быть были мало просвѣщены, недостаточно сознательно понимали христіанскія истины; а тѣмъ менѣе постигали христіанство въ его идеѣ, историческомъ значеніи, въ его исключительной цѣнности, и въ тоже время, по милости Божіей, претерпѣли тяжелыя, скорбныя минуты, физическая мушенія и, подобно древнимъ св. мученикамъ, принесли свою жизнь въ жертву Богу, чтобы изъ нихъ, какъ изъ сѣмянъ, брошенныхъ въ землю, взошли новые всходы, возродилась новая жизнь въ Китайской церкви.

II.

Мученическая смерть Иннокентія Фань и его семьи.

Въ 1900 году въ числѣ прихожанъ Пекинской Духовной Миссіи былъ пожилой православный христіанинъ—китаецъ Иннокентій Фань; ему было 50 лѣтъ отъ роду; онъ служилъ въ Миссіи регентомъ и экономомъ. Иннокентій проживалъ съ своей семьей—женою Еленою, сыновьями—старшимъ Евменіемъ и младшимъ Иваномъ и дочерьми Софіей и Надеждою въ одной изъ фанцизъ, находящихся близъ Миссіи.

Вечеромъ 17-го дня 5-го мѣсяца (10-го Іюня) боксеры сожгли всю Миссію, а затѣмъ зажгли и фавзу Иннокентія Фань, которая была пуста, такъ какъ вся семья Иннокентія скрывалась отъ боксеровъ. На другой день вечеромъ боксеры поймали Елену, жену Иннокентія, и повели ее за Ань-дин-мынськія ворота, гдѣ было у нихъ капище; тамъ они приказали Еленѣ, чтобы она поклонилась имъ кумиру; Елена отказалась кланяться ихнимъ богамъ и стала сопротивляться; тогда старшій боксеръ разгневался, поднялъ съ дикой яростью надъ Еленой свой тупой мечъ и ударилъ ее по затылку; Елена упала въ безчувствіи. Полицейскій взялъ ее, завернуль въ циновку и закопалъ на время около Аньдинмынской улицы. На слѣдующее утро Елена стала стонать подъ землей; проходящіе люди тогда выкопали ее и отпустили. Она прибѣжала къ священнику о. Митрофану Цзи, у которого въ ломѣ былъ ея мужъ съ дѣтьми и другіе православные христіане. Когда они узнали о случившемся съ Еленой, они смутились и плакали, ожидая, что каждаго изъ нихъ ожидаетъ такая доля. Дѣйствительно, такъ и случилось.

Въ это время въ домѣ у о. Митрофана было около 80 православныхъ христіанъ, бездомныхъ, находившихся въ опасности, проводившихъ вмѣстѣ въ общеніи эти дни. 27-го дня того-же мѣсяца (20-го Іюня) ночью пришли боксеры и зажгли домъ о. Митрофана нѣкоторые изъ находившихся тамъ спаслись черезъ стѣну, другіе остались въ горящей фанџѣ; тамъ же находилась и Елена съ своими дочерьми; черезъ нѣсколько минутъ одна изъ дочерей ея выскочила изъ дома; волоса ея обгорѣли, тѣло было обожжено; къ счастью, бѣдную дѣвочку замѣтилъ самъ отецъ ея Иннокентій; онъ взялъ ее на руки и удалился отъ горящей фанџы. На другой день имъ негдѣ было пріютиться; они бродили въ разрушенной Миссіи; тамъ былъ колодецъ съ часовней (надъ нимъ служили постоянно водосвятный молебенъ), послѣ разрушенія колодца образовалась яма; въ ней и скрывался Иннокентій съ своей обгорѣвшей дочерью; вмѣстѣ съ нимъ были нѣкоторые православные христіане. Къ сожалѣнію, боксеры узнали объ этихъ бѣднякахъ и побили ихъ въ ямѣ камнями, и даже навалили на нихъ больше камни.

О старшемъ сынѣ Иннокентія Фань—Евменіи—неизвѣстно, гдѣ онъ скончался, но онъ тоже былъ убитъ боксерами.

Вышеизложенное событие свидѣтельствуетъ очевидецъ—младшій сынъ Иннокентія Фань—іеродіаконъ Иннокентій (Фань).

Католическая Миссия

I.

Послание Епископа Jarlina к священникам и братьям, членам апостольского викариата в Пекине и пров. Чжили.

Мы счастливы, дорогие братья и дорогие чада, сообщить вам новость, которая будет вам очень приятна: 1-го Января прошлого года мы начали процесс изследования для причисления к лику блаженных и канонизации всех христиан нашей епархии, убитых боксерами в 1900 г. из за ненависти к христианской вере. Хотя этот процесс ведется по праву нашей обычной власти, но согласно разрешению св. Конгрегации обрядов, по инструкции последней от 1905 года для апостольских викариев, это—дело весьма важное. Поэтому мы просим всех вас помочь нам своими молитвами о том, чтобы этот процесс совершился во славу Бога и Его церкви.

С этой целью мы постановили следующее: 1) Пусть соберутъ все писания мучеников, и пусть пришлютъ их нам лично, или передадутъ их избранному судье, когда онъ будет находиться въ данной местности для производства разследования. Пусть христиане, которые обладают такими писаниями, передадутъ их своему миссионеру, который въ письменномъ пакетѣ, подъ присягой, подтвердить день, когда эти сочинения были ему доставлены, и имя того, кому они принадлежать. Подъ названиемъ «писания» (écrit), разумѣются также брошюры, статьи, мелкая сочинения и всякая другая вещь, продиктованныя, переписанныя, напечатанныя и изданныя мучениками. Если кто-либо не желаетъ лишиться этихъ драгоценныхъ писаний, то пусть онъ сдѣлаетъ точную копію съ удостовѣреніемъ подъ присягой, что онъ переписалъ вѣрно.

2) Пусть соберутъ все, что принадлежало мученикамъ, въ особенности одежду, часы, очки, предметы почитания, молитвенники и т. д.; пусть просятъ христиан приносить намъ ихъ для того, чтобы мы могли устроить «Музей мучениковъ»: все эти предметы, если Богу угодно будетъ, чтобы эти мученики были причислены къ лику блаженныхъ, будутъ драгоценными реликвиями, поэтому при нихъ должно быть удостовѣреніе ихъ подлинности, сдѣланное подъ присягой.

3) Пусть разыщутъ, если окажется возможнымъ найти, инструменты и орудія, которые послужили для убийства мучениковъ: эти предметы должны быть также доставлены избранному судье, когда онъ будетъ на месте, или же присланы намъ съ писаниемъ, подтверждающимъ подъ присягой ихъ подлинность.

4) Всѣ христиане, у которыхъ были убиты боксерами родители, или родные, или друзья, и которые не знаютъ обстоятельствъ ихъ смерти, пусть разспросятъ добрыхъ язычниковъ, которые были свидѣтелями, съ тѣмъ, чтобы, когда придетъ уполномоченный судья, они могли бы дать показанія о всемъ, что они слышали отъ непосредственныхъ свидѣтелей, и въ особенности записать послѣднія слова мучениковъ въ моментъ ихъ смерти, и подтвердить, что, если бы мученики отреклись, они не были бы убиты.

5) Мы просимъ всѣхъ тѣхъ, которые будутъ призваны уполномоченнымъ судью, не отказываться быть свидѣтелями и постараться говорить всю правду, чтобы они не подверглись наказанию отлученія отъ церкви, если они умолчатъ или не скажутъ правды согласно съ тѣмъ, что они видѣли или слышали.

Все это время просите Господа за насть, чтобы мы могли выполнить это великое дѣло со всей тщательностью, и чтобы Господь благоволилъ возвести къ славѣ св. мучениковъ столько жертвъ жестокости боксеровъ.

Пекинъ. 10-го Мая 1914 г.

Stanislas Jarlin, Evêque de Pharbaetus, Vicaire apostolique de Pékin et du Tchely Nord. (Le Bulletin Catholique de Pékin).

II.

Рефератъ аббата Lebbe.

Въ газетѣ Figaro была помѣщена замѣтка о реферите, прочитанномъ французскимъ миссіонеромъ-лазаристомъ Р. Lebbe въ географическомъ залѣ de la Société des Conférences 11-го Декабря 1913 г. (по и. ст.) подъ заглавиемъ: "Choses vues par un missionnaire en Chine." Сообщеніе Р. Lebbe имѣло большой успѣхъ. Миссіонеръ Р. Lebbe родился въ Бельгіи, въ молодыѣ годы уѣхалъ въ Китай, прожилъ много лѣтъ въ качествѣ миссіонера ордена лазаристовъ въ г. Тяньцзинѣ, основалъ журналъ „Koang-I-Lon“; распространенный во всѣхъ провинціяхъ Китая; (заглавие журнала можно было бы перевести: „Общественное благо“). Р. Lebbe сдѣлался совершеннѣмъ китайцемъ; онъ не пожелалъ даже снять китайской одежды; выѣхавъ изъ Китая три мѣсяца назадъ, онъ чувствуетъ уже тоску по Китаю.

Передъ началомъ реферата M. Doumic прочелъ по просьбѣ отсутствующаго M. René-Bazin привѣтственную рѣчь, въ которой постѣдній написалъ относ Р. Lebbe: «Совсѣмъ молодымъ человѣкомъ онъ оставилъ многочисленную и любимую семью; онъ оставилъ свою родину и привѣлся удивительнымъ образомъ къ китайскому народу, къ которому пришелъ для проповѣди Евангелия. Онъ не только научился говорить по-китайски, но и изучилъ трудное искусство писать тысячи сложныхъ знаковъ. Даже болѣе, онъ проникъ въ китайское сердце, которое, по представлению многихъ Европейцевъ, таинъ отличается отъ ихъ сердца, и напечъ, что, напротивъ, это сходство—большое; что въ моменты, когда одна и та же вѣра призываѣтъ людей къ самопожертвованію, здесь и тамъ обнаруживается одинаковое величие души. Его повѣстованія изъ времени боксерского восстания полны удивительныхъ событий. Глубокія движенія, волнующія Китай, ему хорошо извѣстны. Въ Тяньцзинѣ цѣлья толпы народа приходить на его бесѣды, которымъ онъ ведетъ въ 7-8мѣстахъ съ помощью своихъ собратьевъ». Въ заключеніе M. René-Bazin выразилъ отъ имени Societe des Conférences самыя сердечные пожеланія тому, кто прибыль съ Востока съ багажемъ, болѣе цѣннымъ, чѣмъ бронзовыя древности, фарфоровая венцица и т. п., и глубокое сочувствие далекому народу.

Корреспондентъ сообщаетъ о рефератѣ Р. Lebbe: „его бесѣда была проста, безъ претензій на литературность или краснорѣчіе, но интересна и увлекательна. Человѣкъ, умѣющій наблюдать, приходящій издалека,—всегда интересенъ, когда онъ можетъ сказать: „Я былъ тамъ“, но для того, чтобы увлечь, этого недостаточно; здесь путешественникъ—апостоль; онъ несетъ свое апостольское служеніе въ странѣ, обагренной христіанской кровью въ теченіе многихъ вѣковъ. Какъ могъ онъ не найти дороги къ нашему сердцу?“

Онъ говорилъ намъ сперва о китайскомъ народѣ, каковъ онъ—самъ по себѣ, не касаясь тѣхъ измѣненій, которыя христіанство способно внести въ желтую расу; онъ говорилъ о немъ съ любовью. Говорить, что Китаецъ не религіозенъ, безнравственъ, враждебно настроенъ ко всемъ чужому (ксенофобъ).

Не религіозенъ? это—чистый паганский клевета. Напротивъ, онъ—декетъ, онъ вѣрить въ Провидѣніе, онъ не сомнѣвается въ будущей жизни, хотя онъ и представляетъ ее себѣ не такъ, какъ мы, такъ какъ онъ вѣрить въ переселеніе душъ (метампсихозъ). Наконецъ, его религія перемѣшана съ суевѣріями; его богословіе находится въ совершенномъ падкѣ.

Онъ—враждебно относится къ чужестранному? да, какъ и въ Аѳинахъ, и въ Римѣ во времена язычества, но не болѣе. Язычеству, но не расѣ, слѣдуетъ приписать эту враждебность по отношенію къ чужому; впрочемъ, она съ течениемъ времени уменьшается.

Онъ—безнравственъ? совершенно невѣрно. Китаецъ—не воръ и не распутникъ; это также вѣрно, какъ и то, что эти два слова: „воръ“ и „распутникъ“ въ Китаѣ содержать въ себѣ смертельный оскорблениія.

Говорить, что онъ—лѣнивъ. Какая ошибка! онъ работаетъ постоянно; действительно, его воздержность и простота жизни позволяютъ ему довольствоватьсь самой ничтожной платой. Вотъ въ чёмъ истинная желтая опасность! Вотъ почему Америка отталкиваетъ китайскихъ рабочихъ, какъ нежелательныхъ.

Жестокость Китайца? совсѣмъ нѣтъ. Иногда приписываютъ Китайцамъ самую утопченную жестокость въ изобрѣтеніи средствъ пытки: мы не забыли еще le Jardin des supplices. Китаецъ вовсе не жестокъ; по крайней мѣрѣ, онъ не болѣе жестокъ, чѣмъ мы были сами во времена, къ счастью, прошедшия.

Въ общемъ Китай—чудная страна! Но сколько основаній было бы для насть не только любить его, но и удивляться ему, если бы онъ былъ христіанскій!

Онъ—христіанскій мѣстами. Въ Китаѣ въ настоящее время—около двухъ миллионовъ католиковъ; въ сравненіи со всѣмъ населеніемъ это—немного, но достаточно, чтобы мы могли судить о той моральной высотѣ, на которую христіанство подняло эту расу, еще языческую.

Китаецъ-язычникъ имѣетъ два большихъ недостатка: у него нѣтъ ни мужества, ни сердца. Опытъ показываетъ, что вѣрованія и обычаи христіанскіе производить въ немъ самыя удивительныя, самыя глубокія превращенія.

P. Lebbe рассказалъ намъ о такихъ фактахъ, которые онъ самъ видѣть и которые свидѣтельствуютъ о религіозномъ героизѣ. Большая часть ихъ относится къ преступленію со стороны боксеровъ (1900 г.). Кромѣ того, по его наблюденію, вездѣ, где Китайцы-христіане имѣли время объединиться и съорганизоваться, они одерживали побѣды надъ силами, превосходящими ихъ въ сто разъ. Въ христіанствѣ они находили мотивы быть мужественными и не бояться смерти.

Необходимо замѣтить, что съ нихъ не требовали дорогого выкупа за жизнь; они могли спасти ее черезъ отреченіе: достаточно было объявитъ: «Я болѣе не христіанинъ». Между тѣмъ среди нихъ не было отпаденій. Многіе изъ нихъ выдержали, съ молитвою на устахъ и съ радостью на сердцѣ, продолжительныя пытки; умирая, они исповѣдовывали смѣло свою вѣру. Такъ, одно 8-ми-лѣтнее дитя, послѣ того, какъ на его глазахъ были умерщвлены отецъ и мать, на требованія палачей просило отвести его въ кумирню, но тамъ, къ общему изумленію, бросило въ голову идола со-судъ съ ладономъ, который зажгли передъ нею; дитя было распято на дверяхъ храма и скончалось послѣ нѣсколькихъ часовъ агоніи.

Еще много разсказали намъ Р. Lebbe; мы были поистинѣ тронуты до глубины души; изъ словъ миссіонера вытекалъ для наѣ поучительный урокъ. Отъ китайскихъ мучениковъ, о мужествѣ которыхъ передъ мученіями и передъ смертью они разсказали, мы съ вѣ научились гордости быть христіанами.

(«Le Journal de Pekin»).

Протестантская Місія.

The term Question.

(Вопросъ о терминѣ).

Въ началѣ семнадцатаго столѣтія вышеуказанное заглавіе стояло часто во главѣ многочисленныхъ статей и составляло тему для разсужденій какъ въ духовной, такъ и свѣтской печати въ Китаѣ. Объ этомъ вопросѣ велись горячія препія; каждый писатель чувствовалъ призваніе что-либо сказать о немъ; разговоры о немъ были распространены среди широкихъ круговъ. А теперь сомнительно даже, найдутся ли читатели, которые могли бы угадать, о чёмъ всѣ тогда писали: не о политикѣ, не о хозяйственныхъ дѣлахъ; это было не сколастическій споръ, а чисто лингвистический—о терминѣ который долженъ быть употребленъ въ переводѣ слова «Богъ» на Китайскій языкъ.

Первые миссіонеры Римско-католической церкви въ разрѣшении этого вопроса пришли къ результатамъ, которые оказались роковыми для нихъ. Иезуиты, прибывшіе въ Китай раньше другихъ и пріобрѣтши скоро расположение и поддержку Императора, рѣшили, что Шань-Ди (Верховный Правитель) было самымъ подходящимъ терминомъ. Это—туземное слово, часто употребляющееся въ классикахъ, и указывающее на Высшее Бытие; если же обратиться къ самымъ древнимъ временамъ, то придется придти къ заключенію, что Китайцы понимали подъ этимъ именемъ того самаго Бога, какъ и христіанская Біблія; только въ теченіе нѣсколькихъ тысячелѣтій они потеряли познаніе о Его личности и пониманіе символическихъ знаковъ первобытнаго человѣчества. На этой точкѣ зрѣнія всѣ согласились, пока не прїѣхали доминиканцы, которые тотчасъ же вступили въ споръ съ своими предшественниками.

По ихъ мнѣнію, Шань-Ди было названіемъ идола. Они говорили, что Китайскій языкъ не имѣть подходящаго термина для употребленія понятія «Богъ» и поэтому надо изобрѣти его. Они считали самымъ подходящимъ терминомъ «Тянъ-Чжу» (Небесный Господь) и обратились къ папѣ Клименту 11 съ просьбой разрѣшить ихъ споръ, что онъ и сдѣлалъ. Иезуиты обратились въ свою очередь къ императору Кань-Си, ихъ покровителю, самому выдающемуся и ученому изъ всѣхъ императоровъ Маньчжурской династіи. Онъ былъ на ихъ сторонѣ. Къ этому времени Римско-католическая церковь сдѣлала огромные успѣхи не только при дворѣ, но и во всѣхъ провинціяхъ. Думали, что такое хорошее начало дастъ надежду на скорую победу надъ всѣмъ народомъ. Споръ по поводу вышеуказанного термина разрушилъ все,

Папа настаивалъ, чтобы миссіонеры повиновались его рѣшенію и чтобы Тянъ-Чжу было общеупотребительнымъ терминомъ повсюду. Императоръ требовалъ, какъ правитель страны и высшій авторитетъ въ литературѣ, чтобы его рѣ-

шение было уважено. Несогласие дошло до того, что Папа предъявилъ свои духовные права и настоялъ на томъ, что власть Папы въ этомъ отношеніи выше, чмъ власть Императора.

Папа поступилъ несправедливо съ Императоромъ Кань-Си, независимость и гордость котораго равнялась его энергии и способности. Иезуиты и доминиканцы тотчасъ же лишились его милости и расположения, а сдѣдующій Императоръ запретилъ проповѣдь христіанства и всѣмъ иностраннымъ миссіонерамъ было приказано очистить страну подъ страхомъ смертной казни. Такое состояніе продолжалось до 1844 года. Папа выигралъ споръ, но потерялъ Китай. Тянь-Чжу-Цзяо (религія Небеснаго Господа) было названіемъ католичества.

Когда протестанскіе миссіонеры начали свою дѣятельность, они возобновили свою распрю по поводу того-же термина и составили сильную партію противъ «Шанъ-Ди», съ равносильной оппозиціей. Раздѣленіе продолжалось до избрѣтенія новаго термина «Шанъ-Ди-Чжу» (Высшій Господь), Шэнъ-Шэнъ (истинный Богъ) и Шэнъ (Богъ). По этому поводу возникла жестокая распра; она была такъ велика, что сторонники разныхъ партій перестали разговаривать объ этомъ предметѣ. Каждая партія печатала Біблію и другія книги съ своимъ излюбленнымъ терминомъ, отъ чего каждая миссія понесла убытокъ. Такое состояніе дѣль было прекращено резолюціей Шанхайской конференціи 1890 г., которая гласила, чтобы болѣе не было распра по этому поводу и чтобы ничего не было печатано на эту тему. Позднѣе «Шанъ-Ди» было принято обществомъ издателей, какъ единственный терминъ, существующій быть въ употребленіи онъ и въ настоящее время — въ употребленіи. Споръ временно затихъ почти на цѣлую четверть вѣка, однако, теперь появилась группа лицъ, желающихъ воскресить его.

Изъ Шанхая сообщаютъ слѣдующее:

«Вчера вечеромъ на большомъ митингѣ здѣсь (въ Шанхаѣ) было единодушно рѣшено принять мѣры для учрежденія Китайско-Біблейского литературного общества для печатанія Китайской литературы съ «Шэнъ» въ переводѣ слова «Богъ». Всѣ, кто желаетъ присоединиться и сохранить истинный и вѣрный переводъ Бібліи и дѣйствительной христіанской литературы, будетъ такъ любезенъ сообщить свой адресъ одному изъ членовъ временнаго Комитета. Тогда будетъ собранъ митингъ для избранія названія этого общества, выработки устава и выбора должностныхъ лицъ».

Изъ жизни Китая.

Н.

РЕСПУБЛИКА И ИМПЕРАТОРЪ.

Вследствіе того, что въ конституції, недавно пересмотрѣнной, находятся статьи, предусматривающія специально благожелательное отношеніе къ Маньчжуріямъ, представители низложенной династіи, какъ известно, выражали благодарность Президенту Юань-ши-каю. Ихъ признательность понятна и тѣмъ больше естественна, что во всѣхъ другихъ республикахъ не относились къ низложеннымъ правителямъ съ подобнымъ доброжелательствомъ и щедростью.

Меъне естественнымъ представляется то беспокойство, которое испытываютъ нѣкоторые Маньчжуры, находящіе, что статьи, опредѣляющіе специально благожелательное отношеніе къ прежнему императорскому дому, неполны. Но ихъ мнѣнію, остается одинъ неясный пунктъ: въ статтяхъ объявляется, что Императоръ сохраняетъ право на императорскія почести. Съ нимъ будуть обходиться согласно этому положенію; онъ будетъ разсматриваться какъ иностранный правитель. Но для Маньчжуріи этого недостаточно: будетъ ли титулъ наследственнымъ, или нѣть? Вотъ важный вопросъ, занимающій ихъ. Можно было бы сказать, что титулъ, бывшій съ самаго начала наследственнымъ, долженъ продолжать существовать, по крайней мѣрѣ до полной отмѣны его, но на то легко можно было бы возразить, что то, что было приобрѣто ихъ побѣдою, можетъ быть отнято и измѣнено.

Во всякомъ случаѣ можно было бы сказать, что подобное положеніе казалось бы Китайцамъ ненормальнымъ. Для нихъ будетъ страннымъ видѣть рядомъ стоящимъ съ Президентомъ, правителемъ Китайской націи, представителя иностранной династіи, который будетъ являться искушеніемъ для одной партии, напоминая о прошедшемъ, возбуждать желаніе восстановить это прошедшее. Въ этомъ кроется опасность, которую было бы трудно устраниить совершенно. Съ другой стороны, ясно, что для Маньчжуріи существованіе ихъ императора съ своимъ титуломъ, даже при отсутствії власти, составляетъ драгоценный залогъ благопріятнаго положенія, которое имъ предоставлено. И если, въ случаѣ смерти Императора, не будетъ никого, имѣющаго право на его наслѣдіе, то Маньчжуры будутъ опасаться, какъ бы вмѣстѣ съ тѣмъ они не лишились своего благопріятнаго положенія и удобствъ существованія, которыя еще долго будутъ имъ необходимы, такъ какъ они въ теченіе многихъ лѣтъ привыкли къ военной службѣ, посвящая ей всѣ свои силы, пренебрегая занятіемъ другими отраслями культуры и не развивая способностей, которыя действительно необходимы гражданину, не ведущему исключительно придворную жизнь, для того, чтобы приобрѣтать необходимыя средства къ жизни.

Во всякомъ случаѣ надо признать, что этотъ вопросъ, по крайней мѣрѣ, въ настоящее время не имѣетъ практическаго интереса. Впрочемъ, чего еще могли бы они требовать отъ правительства, которое, сверхъ прочихъ правъ, общимъ всѣмъ гражданамъ, даровало имъ известныя привилегіи правительства, при которомъ маньчжурскіе чиновники пользуются прекраснымъ положеніемъ. («Le Juornal de Pekin»)

II.

Сынъ Неба.

Въ виду жертвоприношенія Небу, которое будетъ имѣть мѣсто 23-го Декабря въ день зимняго солнцестоянія, предполагается начать необходимыя приготовленія къ этому торжеству.

Корона, которую носили императоры Яо и Шунь будетъ возобновлена и украсить чело главы государства, который появится въ великолѣпномъ одѣяніи. Хотя Президентъ Юань-ши-кай хотѣлъ сохранить за церемоніей ея древній и священный характеръ и относиться съ уваженіемъ къ обрядамъ и малѣйшимъ

деталии совершенія церемоніи, онъ все-таки понялъ, что современный глава государства не могъ бы надѣть костюмъ древнихъ правителей, потому что это одѣяніе находилось бы въ странномъ контрастѣ съ формой окружающей его свиты. Президентъ будетъ одѣть въ военную форму, но поверхъ ея будетъ надѣта придворная мантія. Глава Китайского государства впервые предстанетъ передъ алтаремъ Неба въ военной форме, но не долженъ ли Китай слѣдовать примѣру и другихъ націй? Кроме президентовъ Французской и Американской республикъ, главы всѣхъ остальныхъ государствъ надѣваютъ въ торжественныхъ случаяхъ военную форму.

Когда было решено, что Президентъ Китайской республики будетъ совершать, какъ и прежніе правители, жертвоприношеніе Небу, часть прессы и общество въ массѣ было весьма изумлено; какъ будто даже это произвело неблагопріятное впечатлѣніе, между тѣмъ, нѣтъ ничего болѣе логичнаго и разумнаго. Во всѣ времена Небо было для Китайцевъ Владыкою Правителемъ; нужно ли порывать съ традиціей только потому, что Маньчжурская династія была свергнута? Эта династія сохранила лишь кульпъ, который отправлялся и предшествующей династіей.

Такимъ образомъ необходимо продолжать совершение жертвоприношеній Небу; слѣдов. нѣтъ оснований удивляться тому, что эта честь выпадаетъ на долю Президента Юань-ши-кай. Развѣ онъ не является главою государства? развѣ не представляется въ своемъ лицѣ всѣхъ сыновъ Неба? Было ли бы разумно въ республикѣ предоставить Маньчжурскому әксѣ-императору быть представителемъ націи и приносить жертву Небу, какъ если бы онъ не былъ низложенъ?

Безъ сомнѣнія, иностранцу трудно признать, чтобы Президентъ республики могъ исполнять обязанности, принадлежавшія до сего времени лишь правителямъ, которые по преемству имѣли власть отъ своихъ предковъ, а послѣдніе получили ее отъ Бога. Даѣте, нельзя замѣтить разницы между Президентомъ Юань-ши-каемъ и правителемъ недавно коронованнымъ, какъ принцъ Видѣ. Оба они находятся въ началѣ ихъ дѣятельности въ качествѣ правителей; развѣ второй только потому, что онъ имѣеть право на титулъ короля, имѣеть болѣе авторитета быть представителемъ націи въ отправлении національного культа, чѣмъ Президентъ Юань-ши-кай?

Необходимо признать, что принесеніе жертвъ Небу Президентомъ Юань-ши-каемъ не заключаетъ въ себѣ ничего удивительнаго: никто, кроме него, не имѣеть права на эту честь; и даже, такъ какъ въ Китаѣ нѣтъ верховнаго жреца, иначе невозможно было бы поступить. Кроме того, преимущества и права Президента Юань-ши-кай одинаковы съ правами какого-либо правителя: Китайская республика не могла сразу подняться на уровень старшихъ республикъ; періодъ преобразованій долженъ быть пройденъ; Президентъ Юань-ши-кай, наученный опытомъ послѣднихъ лѣтъ, призналъ необходимыхъ сохранить за собою всю власть, потому что для блага страны необходимъ одинъ авторитетъ; иначе страна была бы погружена въ анархію.

Можно ли утверждать на разумныхъ основаніяхъ, что титулъ Президента несовмѣстимъ съ обязанностями, которыя онъ неизбѣжно долженъ выполнять? Согласились бы противники Юань-ши-кай видѣть его приносящимъ жертву Небу съ титуломъ, въ желаніи присвоить который они его упрекаютъ?

Le Journal de Pékin.

Въ далекомъ Китаѣ.

(Письмо изъ Пекина).

Послѣ пятимѣсячной отлучки въ Россію по дѣламъ миссіи, просошвященный епископъ Иннокентій, начальникъ православной миссіи въ Китаѣ, возвратился къ своей паствѣ. Какъ въ самомъ Пекинѣ, такъ и въ другихъ пунктахъ Китая, гдѣ заброшены сѣмена православія, ожидали его прибытія. Ожидали его и въ Крестово-воздвиженскомъ скиту, что въ Западныхъ горахъ близъ Пекина. За недѣлю еще завѣдующій скитомъ, іеродіаконъ Орентій, просилъ помощи изъ братіи Успенского монастыря и при ихъ содѣйствіи убралъ салъ и привелъ въ порядокъ, въ праздничный видъ, всѣ дворы скита; а тутъ и уборка хлѣба подоспѣла,—просо, кукуруза, горохъ. Все постепенно сносилось на токъ, молотилось тамъ и распределѣлось по сортамъ и по предметамъ, что въ кладовыя, что подъ навѣсъ или въ конны. Работа кипѣла. Небольшое хозяйство скита, раскинувшагося у подошвы горъ и окруженнаго миссійскимъ участкомъ въ шестьдесятъ десятинъ, заключало въ себѣ чуть ли не всѣ виды земледѣлія. Есть тутъ и овцы и рогатый скотъ; всего понемногу.

Наступилъ давно желанный день,—30-ое сентября. Въ четвертомъ часу дня Владыка прибылъ въ скитъ и былъ встрѣченъ колокольнымъ звономъ и всею братіею скита, ожидавшею внизу каменной лѣстницы, ведущей въ главныя ворота. Скитъ устроенъ здѣсь всего четыре года тому назадъ и является видъ благоустройства и уютной тихой пристани, гдѣ и дышется легко и молитва теплѣе и трудъ живительнѣе, чѣмъ въ многолюдномъ и шумномъ Пекинѣ. Владыка, устроившій этотъ скитъ, является и хозяиномъ его и жильцомъ, інициаторомъ и исполнителемъ каждого предпріятія. Каждая вещь здѣсь имѣетъ свое мѣсто и назначеніе съ его благословенія. Вотъ почему ему и устроена была радушная встрѣча. Христіане китайцы толпою собрались у воротъ, чтобы принять архи-пастырское благословеніе, а сколько ихъ еще ожидало во дворѣ и у церкви! Вечеромъ за богослуженіемъ полна была ими церковь, не смотря на то, что было уже поздно, небо хмурилось и возвращаться изъ скита въ деревню было нелегко. Ночью пошелъ дождикъ, продолжавшійся почти весь слѣдующій день. Но жизнь скита продолжалась въ своемъ порядкѣ. Также рано пастухи-мальчики выгоняли овецъ и козъ на траву, рабочіе сѣяли и заволакивали осимую пшеницу. Тамъ рыли картофель; здѣсь сушили земляные орѣхи...

Около полудня прїѣхали изъ Пекина протодіаконъ о. Василій Дэ съ пѣвчими, большою частію семинаристами. Устроена была сиѣвка, катехизаторъ готовилъ поученіе, послушники убирали храмъ цвѣтами полевыхъ травъ.

Въ канунъ Покрова совершено всенощное бдѣніе въ присутствії Владыки при большомъ стеченіи молящихся.

А на утро литургія архіерейскимъ служеніемъ начата съ 7 часовъ и продолжалась болѣе часа. Стройное пѣніе, во всемъ порядке и благочиніе, торжественность литургіи; все это привлекало китайцевъ. Они внимательно выслушали поученіе о Покровѣ Пресвятой Богородицы, вникая мыслю въ чудное видѣніе блаженнаго Андрея и его разговоръ съ Епифаніемъ,—ученикомъ, оказавшимся достойнымъ своего учителя.

По окончаніи литургіи, послѣ нѣкотораго перерыва, сформировался крестный ходъ, чтобы ити на гору для освященія колодца и часовни. Шествіе во главѣ со Владыкою двинулось изъ храма черезъ каменную площадку, на которой нѣкогда возвышалась кумирня, потомъ черезъ садъ и западную калитку направилась пашнями мимо недоконченной угольной шахты, а затѣмъ повернуло къ горамъ и стало подыматься по извилистой дорожкѣ, нарочно прочищенной въ высокой травѣ и скользившей по бокамъ горныхъ отроговъ, то взираясь на нихъ, то спускаясь къ сторонамъ овраговъ. Трогательное зрѣлище представлялъ этотъ крестный ходъ, заброшенный въ такой дали отъ христіанскаго міра, въ горахъ, гдѣ тамъ-и-сямъ видны капища и много развалинъ древнихъ кумиренъ и монастырей. Прекрасный солнечный день, тихое колебаніе хоругвей, блескъ крестовъ и иконъ, праздничная облаченія духовенства, стройное пѣніе семинаристовъ-китайцевъ, пѣвшихъ всю дорогу по-русски стихиры богородичны на малое освященіе воды, наконецъ толпа христіанъ, сопровождавшая шествіе, растянувшееся на версту,—все это при обстановкѣ окружающихъ холмовъ производило неотразимое дѣйствіе на душу. Впереди насъ на самомъ верху горной гряды былъ виденъ крестъ, водруженный ранѣе, при основаніи скита; отъ него въ обѣ стороны виднѣлись белые столбы ограды, окружающей всю скитскую землю. Крестный ходъ подымался все выше и выше... Но неужели тамъ, на такой высотѣ возможно найти воду, возможно устройство колодца? Но что поетъ въ псалмѣ Давидъ: „На горахъ станутъ воды. Дивы дѣла Твои Господи!“ Приходимъ на мѣсто, и что же? Дѣйствительно—колодецъ, полный воды и она всего на сажень отъ поверхности земли. Мѣсто это, окруженное съ трехъ сторонъ крутыми горными отрогами и представляющее долину, обра-

ботанную въ видѣ нѣсколькихъ площадей, спускающихся уступами къ востоку. На верхней площади, гдѣ и былъ колодецъ, видны развалины древняго буддійскаго женскаго монастыря, который и пользовался этимъ колодцемъ. Въ прошлыхъ вѣкахъ монастырь опустѣлъ и колодецъ засорился и сравнялся съ окружающей его грудою развалинъ. Между тѣмъ какъ современные намъ насељники горъ, крестьяне хлѣбопашцы, очень нуждаясь въ водѣ, почему-то не догадались разрыть колодецъ, думая, вѣроятно, что онъ слишкомъ глубокъ и небогатъ водою. Теперь же братія скита отрыли этотъ колодецъ, нашли въ немъ сильную струю чистой, сладкой воды и пріурочили его открытие къ прѣздѣ Владыки, чтобы торжественно освятить его для всеобщаго употребленія. Теперь, благодаря этому колодцу, вся мѣстность вокругъ оживится, а нижнія террасы будутъ обработаны подъ огородъ, какъ это было въ древности на этомъ же мѣстѣ. Исторія повторяется; только теперь уже земля будетъ обрабатываться не язычниками, а братіей скита. Когда крестный ходъ расположился вокругъ колодца и служеніе молебна продолжалось, хоръ кузнечиковъ въ высокой сухой травѣ вторилъ нашему хору, порою заглушая его...

Окончилось водоосвященіе, крестный ходъ двинулся къ часовнѣ. Часовня эта, прислонена къ высокому каменному обрыву на верху холма, съ котораго открывался чарующій видъ на равнину, усыпанную деревнями, рощами, перерѣзанную дорогами, полями и сливающуюся на горизонте въ одно зеленѣющее море деревъ, гдѣ въ мглистой дали выступаютъ тусклыя очертанія башень и воротъ Пекина, а также верхушки дворцовъ и пагодъ, означающихъ огромное пространство, занимаемое столицей Китая. Глазъ окидываетъ въ другую сторону, на востокъ, холмы, увѣнчанные дворцами и мавзолеями государей цинской династіи, а у подножія этихъ холмовъ сверкаетъ зеркальная поверхность искусственныхъ озеръ, обрамленныхъ рощами и садами. Еще ближе видны причудливые верхи капищъ, а ближе разворачивается панорама скита, тонущаго въ зелени деревъ, у подножія же холма разстилаются террасы огородовъ, и изумрудная зелень поздней капусты смыкается узкими полосками тѣмнокоричневой зелени индиго. Вотъ на такомъ-то холмѣ стоялъ въ открытомъ кioskѣ идолъ Будды изъ сѣраго камня. Еще и теперь у подошвы холма видны обломки его, а теперь кioskъ обѣланъ въ видѣ часовни съ однимъ болѣшимъ крестомъ на крыше и двумя малыми крестами по угламъ, на маленькихъ главкахъ. Предъ часовней разстилается крыльцо или открытая веранда, съ которой виденъ скитъ съ прилегающими къ нему землями, пашнями. Здѣсь-то

крестный ходъ и остановился, пока Владыка читалъ молитвы и окроплялъ святой водой часовню. Потомъ въ глубинѣ ея, въ нишѣ, былъ установленъ образъ Владимицкой Божией Матери, писанный на доскѣ въ мастерской Успенского монастыря въ Пекинѣ. Послѣ сего крестный ходъ медленно возвращался при колокольномъ звонѣ по той же дорожкѣ въ скитъ.

Огнускомъ молебна съ многолѣтіемъ въ церкви закончилось торжество, и христіане, принявъ благословеніе епископа Иннокентія, оставляли скитъ, возвращаясь къ своимъ дворамъ и мирнымъ занятіямъ.

(Богосл. Вѣс. № 1).

A. A.

ПОЕЗДКА ВЪ МУКДЕНЬ.

Во время моего пребыванія въ г. Харбинѣ въ Мартѣ м. с. г. выяснилась необходимость съѣздить въ г. Дальній по флагамъ Миссіи. Послѣ праздника Благовѣщенія—престольного праздника церкви подворья Миссіи въ Харбинѣ,—съ большой торжественностью отиразнованнаго подворьемъ, пришло время оставить г. Харбинъ. 27 Марта съ ночнымъ поѣздомъ я выѣхалъ въ Мукденъ, куда прибылъ въ 3 часа дня. До вечерняго поѣзда оставалось часовъ 5, которые мы хотѣлись использовать для осмотра г. Мукдена. Немедленно отправился я къ г. Консулу, который отнесся съ полной предупредительностью къ моему желанію осмотрѣть столицу Маньчжуріи, и дать мнѣ въ качествѣ проводника бывшаго солдата-китайца, говорящаго немногого по-русски. Взявши двухъ рикшъ на нѣсколько часовъ, мы поѣхали сперва осматривать католический соборъ. Меня проводили къ католическому миссіонеру; побесѣдовавъ съ нимъ нѣсколько по-французски, и привѣтливо распростившись съ нимъ, я пошелъ въ соборъ. Была страстная пятница по нов. стилю. Въ соборѣ скоро должна была начаться служба. Величественный, нѣсколько мрачный, соборъ производитъ впечатлѣніе; впереди ярко выдѣлялся белый алтарь художественной отдѣлки. На скамьяхъ уже сидѣло нѣсколько женщинъ-китаянокъ, собиравшихся къ службѣ. Осмотрѣвши соборъ, мы поѣхали къ императорскому дворцу; въ настоящее время дворецъ пустъ; рядъ зданій китайской архитектуры, запущенныхъ, производить унылое впечатлѣніе. Рядомъ съ дворцомъ—площадка, на которой воздвигнутъ небольшой храмъ Небу, и рядъ домиковъ-кумиренъ. Больше интереса представляеть Императорская могила, верстахъ въ трехъ отъ города; по выѣздѣ изъ города приходитсяѣхать сперва полемъ, потомъ дорога идетъ тѣнистой рощей, среди которой и находится могила Ао-митанга. Къ главному входу ведетъ широкая лѣтница. Мы подъѣхали къ боковому входу. Черезъ небольшія ворота вступили мы въ рощу, содержащую очень чисто; дорога привела къ большой площадкѣ, по обѣимъ сторонамъ которой находились изваянія всевозможныхъ животныхъ. Слѣва—рядъ домиковъ, въ которыхъ живутъ хранитель и сторожа. Сторожъ

открылъ ворота и пропустилъ насъ въ главный дворъ, окруженный высокими и широкими стѣнами; надъ воротами возвышается трехъярусная башня; на дворѣ находятся нѣсколько кумиренъ съ таблицами умершихъ предковъ. Поднявшись на стѣну, мы прошли по ней до противоположной стороны, на которой возвышается высокій холмъ на широкой плащадкѣ, окруженной оградой. Этотъ холмъ и есть самая могила. Поднявшись по тропинкѣ на вершину холма, мы увидѣли въ срединѣ вершины небольшое углубленіе, усаженное вокругъ деревьями. На возвратномъ пути мы поднялись на самый верхній ярусъ вышеупомянутой башни, откуда открывается прекрасный видъ черезъ рощу на Мукденъ. Эта могила даетъ представление объ устройствѣ императорскихъ могилъ вообще. Это—грандіозныя сооруженія, служащія дляувѣковѣченія памяти императоровъ. На возвратномъ пути мы проѣхали мимо русского кладбища; подробнѣе осмотрѣть его не было времени. Теперь на немъ построена каменная церковь, оригинальной архитектуры; куполь представляетъ изъ себя шлемъ; храмъ еще не совсѣмъ готовъ; освященіе его предполагается въ непродолжительномъ времени. При церкви созидаются домъ для священника и причта. Кладбище содержитъся въ чистотѣ и порядкѣ. Невольно пришли въ голову воспоминанія изъ 1900 и 1905 г. У г. Консула ждалъ меня уже чай и закуска. Къ сожалѣнію, надо было спѣшить на поѣздъ,—поэтому пришлось отказаться отъ удовольствія провести вечеръ въ пріятной бесѣдѣ въ семѣ г. Консула. Въ 8 час. веч. тронулся поѣздъ въ г. Дальній; вагонъ былъ совершенно полонъ; перспектива провести всю ночь въ сидячемъ положеніи была неособенно пріятна. Публика—по болѣшій части японцы. Развлечениѣ доставляли японскіе ученики, щахавшіе, повидимому, на экзаменѣ, всего около 10 человѣкъ въ возрастѣ отъ 13-14 л.; болтовня смѣхъ, разныя шалости. Наболтавшись, они рѣшились приняться за науку, достали учебники, образовалась группа съ однимъ усерднымъ ученикомъ во главѣ, которая рѣшала какія-то задачи. Наконецъ, юная компанія проголодалась; они достали коробочки съ сладостями и пирожными. Послѣ ъѣды замѣтно шалуны стали затихать и, наконецъ, заснули вслѣдствіе тѣсноты въ самыхъ неестественныхъ позахъ. Утромъ показалось море: мы приблизились къ перешейку. Въ 8-мъ часу прибыли въ Дальній.

Поѣзда въ Тянъ-Цзинѣ.

(Проводы Русскаго охраннаго отряда.)

1914 года 6 Марта Начальникомъ роты охраннаго отряда былъ посланъ запросъ къ Его Преосвященству, Преосвященнѣйшему Иннокентію, Начальнику Пекинской Духовной Миссіи, о томъ, чтобы Начальникъ Миссіи выслалъ изъ Пекина въ г. Тянъцзинь одного изъ іеромонаховъ или священниковъ для того, чтобы отслужить напутственный молебенъ для всей роты солдатъ съ ея начальниками, которая отправляется опять обратно въ Россію, а съ молебномъ вмѣстѣ —обѣдницу, часы и прочее.

Начальникомъ Миссіи Его Преосвященствомъ былъ командированъ я. Въ восемь часовъ утра 6 Марта со скорымъ поѣздомъ я выѣхалъ изъ Пекина въ Тянъцзинь. Въ Тянъцзинь прїѣхалъ къ 12-ти часамъ дня и остановился на миссійскомъ подворѣ. Тутъ въ два часа времени поспѣлъ обойти и осмотрѣть подворье, состоящее изъ церкви, школы и нѣлькоискъ зданій изъ коихъ въ

нѣкоторыхъ живутъ жильцы. Подворьемъ въ Тяньцзинѣ пока временно завѣдуетъ молодой китаецъ, бывшій ученикъ Пекинской Духовной Семинаріи, онъ же псаломщикъ и катехизаторъ. Въ школѣ 20 учениковъ мальчиковъ, которыхъ китайской грамотѣ учатъ китаецъ-учитель.

Въ третьемъ часу дня я и упомянутый сейчасъ псаломщикъ-семинаристъ, нанявъ рикши, поѣхали въ Отрядъ для совершенія богослуженія. Разстояніе отъ подворья до Отряда около четырехъ верстъ. По пути заѣхали къ хорошимъ знакомымъ: къ полицеистеру, (онъ же и церковный староста Тяньцзиской отряжной церкви) Н. А. Жебраку, и секретарю Консульства Ю. М. Васильеву. Оба они съ давнихъ временъ были знакомы со мною и очень рады были меня видѣть. Отъ ихъ угощенія мы отказались, такъ какъ на подворье только что пообѣдали и попили чаю. Долго сидѣть у знакомыхъ намъ не пришлося, такъ какъ торопились къ богослуженію. Церковный староста Н. А. Жебракъ сдѣлалъ сейчасъ же распоряженіе, то-есть послалъ съ письмомъ нарочного къ Начальнику роты, чтобы Начальникъ далъ солдатъ для уборки церкви и сообщилъ, когда удобно сдѣлать начало службы. Нарочный, сѣвъ на велосипель, сейчасъ же помчался къ мѣсту назначенія, предупредивъ насъ, что онъ успѣхъ встрѣтить насъ на дорогѣ, и все скажетъ: когда службу начать и прочее. И лѣйтвителъ, мы еще не доѣхали до казармъ съ полѣ-версты, какъ варугъ изъ переулка выбѣгаешь солдатъ и просить насъ остановиться. Что такое? — спрашивала я.—Ротный командиръ желаетъ съ Вами переговорить,—отрапортовалъ солдатъ. Вдали подвигался къ намъ офицеръ—ротный командиръ. Онъ со своими нѣсколькими солдатами укладывалъ въ вагоны военную утварь для отправки въ Россію. Около вагоновъ ходили солдаты, брали съ возовъ разную мебель и укладывали въ вагоны. Подойдя къ намъ, офицеръ поздоровался и поблагодарилъ, что мы прїѣхали проводить ихъ. «Вы, говорить, спрашиваете, батюшка, когда, то-есть въ которомъ часу, начать службу: я думаю, что въ 6 часовъ вечера мы освободимся, и если можно, то вотъ въ это время нельзя ли будетъ сдѣлать начало службы?» Я отвѣтилъ: я прїѣхалъ къ Вашимъ услугамъ и такъ буду исполнять, какъ мнѣ скажете.—Онъ, повидимому, торопился вернуться опять къ вагонамъ и, не медля, позвалъ одного изъ солдатъ, чтобы насъ проводилъ до церкви и по човѣлѣнію его сдѣлалъ бы тамъ распоряженіе, чтобы пономарь и сторожа поскорѣе убирали церковь. Мы, сидя на рикшахъ, потихоньку продолжали путь за провожатыми до церкви. Въ часъ времени церковь была готова къ богослуженію, но до службы еще оставался одинъ часъ. Чтобы во благо употребить этотъ часъ времени, я вздумалъ позвать пѣвчихъ изъ солдатиковъ и чтеца, чтобы прорепетировать съ ними, что пѣть и что читать. Я раньше сказалъ, что со мной Ёдетъ псаломщикъ, но нужно замѣтить, что этотъ псаломщикъ—китаецъ, потому и читать бѣгло могъ онъ только по-китайски, по-славянски же хотя онъ и читалъ, но медленно, пѣть же онъ могъ все китайское и простое по-русски, какъ и русскій. Но, благо, и изъ солдатиковъ нашелся одинъ чтецъ, бывшій псаломщикомъ, который порядокъ чтенія, даже великопостнаго, зналъ хорошо, а также зналъ, что и какъ пѣть,—такъ-что репетировать пришлося совсѣмъ недолго. Къ шести часамъ подъ командой одного фельдфебеля пришла вся рота къ церкви. Церковь эта представляетъ собою памятникъ, называется же такъ потому, что имѣеть и алтарь для служенія. По причинѣ малаго размѣра памятникъ не могъ вмѣстить въ себѣ роты солдатъ. Въ самомъ памятникѣ стояли только пѣвчіе и служанціе, солдаты же почти все размѣстились на площадкѣ, находящейся на одномъ уровнѣ съ по-

ломъ церкви, а отъ земли поднятой больше чѣмъ ча русскую сажень. Какъ церковь-памятникъ, такъ и кругомъ оной площадка сдѣланы не изъ кирпича, а изъ сѣраго тесаннаго мрамора отъ земли до верха. На западъ къ рѣкѣ, на возвышенной, искусственно сдѣланной изъ того же мрамора склонѣ, съ распостертыми крыльями красовался чугунный литой громаднаго размѣра двухъ-главый орелъ. Между оконъ въ памятникѣ вставлена бѣлаго мрамора шлифованная плиты, такого же размѣра, какъ и окна, съ выгравированными на нихъ вызолоченными буквами именами воиновъ, павшихъ въ 1900-мъ году въ г. Тяньцзинѣ. Вечерняя служба была непродолжительна. Началась она съ великаго повечерія, послѣ котораго была отслужена утрени съ первымъ часомъ. Богослуженіе окончилось въ восьмомъ часу. Изъ высшихъ лицъ никого не было. Церковный староста только пришелъ въ началѣ службы и потомъ, извинившись, успѣлъ куда то по очень важному дѣлу, а вмѣсто него остался его попечитель. О завтрашнемъ днѣ, когда начать службу, я не могъ ни у кого спросить, какъ только у пѣвчихъ, потому что старшихъ никого не было. Пѣвчіе сослались на меня, что я будто-бы долженъ назначить время начала службы, а я отъ этого отказывался, говоря, что я приѣхалъ служить не для себя, но для людей, и потому я долженъ слушать того, кто меня позвалъ. Они на это отвѣтили что тѣхъ, кто Васъ звалъ, здѣсь нѣтъ и неизвѣстно, гдѣ они. Тогда я предложилъ самимъ назначить время службы. Они согласились и время назначили въ 8 часовъ утра. На слѣдующій день, то-есть 7 Марта, я съ псаломщикомъ пришелъ къ ротной церкви въ 7 часовъ утра. Церковный сторожъ открылъ намъ калитку сада и удивился тому, что мы такъ рано пришли. Въ саду, конечно, никого не было. Въ церковь войти было нельзя, такъ какъ церковный попечитель унесъ съ собою ключи, почему намъ пришлось погулять по саду. День былъ прекрасный. Нѣсколько разъ мы прошлись по аллеямъ сада, осмотрѣли пруды, въ которыхъ весело играла рыба. На деревьяхъ только что начали показываться почки. За садомъ на рѣкѣ чистила обмелѣвшее ея дно землечерпательная машина, которая то гремѣла котлами, то звякала цѣпью, то издавала какіе-то сильные удары, какъ-бы большимъ молотомъ. Мой псаломщикъ, не слыхавшій никогда такихъ звуковъ, спросилъ меня, почему этотъ пароходъ такъ стучитъ и гремитъ, на что я ему отвѣтилъ, что это не пароходъ, а грязе-черпательная машина, которая чиститъ обмелѣвшее дно рѣки. Онъ попросилъ подойти съ нимъ поближе къ ней и хорошенько посмотрѣть. Мы черезъ калитку вышли изъ сада и по набережной зашли сзади машины и стали смотрѣть, какъ громадные котлы, наполненные грязью, чьей-то силой поднимались кверху, а потомъ сверху земля по трубѣ падала въ рядомъ стоявшую съ ней шаланду. Псаломщика это сильно удивляло. Я тутъ же рассказывалъ ему, какъ это поднимается земля, какъ набирается грязь въ котлы со дна, и прочее. Времени уже было 7 часовъ. У калитки сада уже стояло нѣсколько солдатъ. Это были вчерашиіе пѣвчіе, которые пришли раньше для того, чтобы до службы опять подготовиться, что пѣть и что читать. Но не успѣлъ я взойти на церковную площадку, какъ съ лѣстницы еще увидѣлъ роту солдатъ, мѣрнымъ шагомъ подвигавшуюся по направлению къ церкви. Я подозвалъ псаломщика солдата, который вчера читалъ, и передалъ ему кратко, что читать и что пѣть, и сейчасъ же началось богослуженіе. Были отслужены часы—третій, шестой и девятый, обѣдница, а за ней—напутственный молебенъ. Кромѣ роты солдатъ, на богослуженіи присутствовали два офицера, изъ коихъ одинъ былъ православный, другой же, повидимому, былъ католикъ, ибо, какъ я замѣтилъ, онъ, подходя ко кресту, крестился ладонью и на плечи клалъ не

справа нальво, а слѣва направо. Кромѣ офицеровъ было еще душъ пять женщинъ съ дѣтьми. Къ концу службы пришли еще человѣкъ пять офицеровъ, изъ которыхъ одинъ сталъ меня просить пойти на кладбище отслужить панихиду по убѣннымъ и умершимъ воинамъ, а для болѣе торжественной службы взять запрестольный крестъ и иконы. Мы такъ и сдѣлали. Кладбище, куда мы шли, отстояло отъ церкви съ небольшимъ около одной русской версты. На кладбищѣ хоръ пѣвчихъ увеличился. Въ церкви, какъ я раньше сказалъ, пѣвчими управлялъ псаломщикъ изъ солдатъ, а на кладбищѣ къ пѣвчимъ присоединился одинъ изъ офицеровъ, должно быть, знающій это дѣло. Прежній регентъ, увидѣвъ своего начальника, приближающагося къ нему, сейчасъ же уступилъ ему свое мѣсто, и тутъ уже за регента былъ офицеръ,—пѣніе сейчасъ же пошло стройнѣе и вышло очень прекрасно. Съ кладбища вся рота со своими начальниками пошла на свое мѣсто, ибо она уже спѣшила идти на вокзалъ, чтобы сѣсть въ вагоны, а я съ пономаремъ и со своимъ псаломщикомъ вернулся въ церковь, чтобы отнести туда крестъ, Евангеліе и иконы, послѣ чего мы сѣли на рикши и поѣхали на свое подворье, гдѣ мы пообѣдали, а послѣ обѣда я сейчасъ же сталъ собираться, чтобы вернуться въ Пекинъ.

Иеромонахъ Смарагдъ.

Поѣзда въ Хунъ-шэнъ-юй.

Съ благословенія Его Преосвященства, Начальника Миссіи, я въ одинъ прекрасный день выѣхалъ въ сопровожденіи четырехъ китайцевъ и одного монгола-ламы изъ города Пекина по направленію къ Монголіи для осмотра мѣстности Хунъ-шэнъ-юй, отстоящей отъ Пекина въ 120 ли на сѣверо-западъ, въ которой предположено пріобрѣсть мѣсто для открытія стана. Поѣхали мы, я на лошади, а спутники мои на осликахъ, которыхъ наняли въ Пекина. Проѣхавъ полдня, мы доѣхали до мѣстечка Ли-шуй-чэ какъ-разъ къ обѣденному времени—12-ти часамъ. Я хотѣлъ было продолжать путь, но спутники мои упросили меня остановиться въ имѣющейся здѣсь харчевнѣ пообѣдать, подтверждая свое желаніе тѣмъ, что далѣе по пути уже гостинницъ не найдемъ, да и отдохнуть хорошо бы. Я согласился. Мои спутники заказали обѣдъ. Обѣдъ вскорѣ подали. Конечно, европейскаго ничего, все въ чисто китайскомъ вкусѣ. Подали гороховый сырой кисель (доу-фа) и на второе какую-то вареную траву вродѣ нашего салата. Вотъ и весь обѣдъ. Но не смотря на скучность онаго, плату за него спросили обильную, что, конечно, здѣсь въ порядке вещей, ибо по китайскимъ понятіямъ, съ кого же и содрать, какъ не съ европейца. Пообѣдавъ и отдохнувъ часа два, мы рѣшили отправиться дальше. Я вышелъ на улицу. Оказалось, что идетъ мелкій дождь. Небо заволокло тучами, такъ что, повидимому, на скорый конецъ онаго надежды было мало. Нужно было скорѣѣхать къ цѣли путешествія. Ждать было нельзя, да и денегъ было маловато у меня. Вообще, дождь этотъ меня немного пугалъ, а спутниковъ моихъ прямо приводилъ въ отчаяніе (китайцы дождя боятся какъ огня ввиду ихъ тряпичной обуви). Но такъ какъ время не терпѣло, то решено былоѣхать, я же задумалъ застаситься зонтомъ. Гостинникъ заявилъ, что здѣсь во всей мѣстности нѣтъ совсѣмъ продажныхъ зонтовъ. Это говорилось по договору съ моими спутниками, что я понялъ изъ ихъ разговоровъ съ хозяиномъ. Я настоялъ, и мнѣ принесли китайскій зонтъ, за который пришлось отдать 60 центовъ. Наконецъ мы двинулись въ путь.

нулись въ путь. Но что это была за дорога, Вы, читатель, и представить себѣ не можете. Дождь въ концѣ концовъ полилъ какъ изъ ведра. Дорога превратилась въ сплошную жидкую грязь, и потому приходилось выбирать тропинки цѣлью болѣе сухія. Не смотря на зонтикъ, меня изрядно промочило, а уже о спутникахъ и говорить нечего. Измученные плохой дорогой ослики то и дѣло спотыкались и падали въ грязь, увлекая и сѣдоковъ съ собою. Неоднократно приходилось поднимать то однаго, то другого. Хотя мнѣ и досталось отъ дождя, не смотря на зонтикъ, но все же не такъ, какъ спутникамъ. На нихъ жалко было смотрѣть. Лица, руки и одежды ихъ были буквально въ сплошной грязи. Жалѣихъ, я предложилъ остановиться въ первой попавшейся деревушкѣ, обождать дождь, пообсушиться и дать отдыхъ нашимъ животнымъ. Но спутники мои отказались сами почему-то, говоря, что теперь уже не далеко до того мѣста, кудаѣдемъ. Было уже 4 часа вечера. Я, въ чаинѣ поскорѣе добраться до мѣста, спрашивалъ каждого встрѣченаго, сколько верстъ до Хунъ-щэнъ-юй; но отвѣтъ получался разный: кто говорилъ, что 20 ли, кто 30, а кто и 35 ли. Вотъ доѣхали до рѣки, которую нужно перѣѣхать вбродъ. Рѣчка эта отъ дождя переполнилась, и теченіе ея было настолько сильно, что было страшно ее перѣѣхать, она казалась намъ глубокою, и только дорога на одномъ мѣстѣ указывала, что здѣсь бродъ и бояться нечего. Стали переправляться, понукая коня и осликовъ. Одинъ за другимъ побрели по брюхо въ водѣ бѣдныя животныя. Переправа эта не обошлась безъ трагикомического происшествія. Нашъ уважаемый лама шель къ рѣчкѣ сердитый и задумчивый пѣшикомъ, ведя своего ослика въ поводу. Когда настало время на него садиться, то онъ выбралъ удобный камень и, вступивъ на него, хотѣлъ вспрыгнуть на ослика. Осликъ бѣдный потерять равновѣсіе отъ тяжести сѣдока, да еще на скользкомъ днѣ, и увлекая несчастнаго ламу, свалился въ воду. Кое-какъ поднявшись, онъ съ большимъ усилиемъ помогъ подняться своему животному и выбраться на болѣе твердое дно. Бѣдный монголь вымокъ до нитки, принявъ невольную ванну съ головы до ногъ. Наконецъ мы выбрались на другую сторону рѣчки и направились дальше. Стало уже темнѣть; рѣчка долго пась не оставляла, все еще было слышно ея журчаніе между камней. Она проходила между горъ и, можетъ быть, вѣкамъ прорыла этотъ узкий проходъ. Въ 6 часовъ вечера стало уже совсѣмъ темно, а мы все еще находились въ ущельѣ между горъ, покрытыхъ облаками тумана. Дождь шель все сильнѣе. Тьма стояла пепроглядная. Невольно въ душу прокрадывался страхъ и трепетъ. Думалось: здѣсь кромѣ насъ пусты человѣкъ иѣтъ ви туши, а время смутное. Можетъ быть, гдѣ нѣблизости скрываются хунхузы (китайские разбойники) или, что еще хуже, какой-нибудь отрядъ солдатъ, встрѣтивъ насъ, можетъ принять насъ за хунхузовъ и перестрѣять до единаго. Страшно; ноѣдѣть нечего, нужно ироложать путь. Вдругъ чу! вѣдь-то залаяла собака. Мы всѣ сразу, какъ-то пріободрились и рѣшили бѣхати на ея голосъ, въ надеждѣ найти жилище. Дай становился все ближе и ближе и наконецъ оказалась преграда: мы очутились у крутого утеса, на который въ темнотѣ, не зная дороги, взобраться было очень трудно. Стали искать подъемъ на него, но темнота была такая, что хоть глазъ выколи, и наши поиски были тщетны. Тогда мы опять пошли на собачий путь. Крутой гористый подъемъ былъ заваленъ камнями, аровами. Съ большимъ трудомъ поднявшись по крутизѣ, мы попали къ небольшой кумирнѣ. Обрадовавшись пристанишу, мы рѣшили здѣсь расположиться; но пришло разочарование: ибо кумирня была биткомъ набита людьми. Это были рабочіе угольщики. Для пасъ здѣсь

мѣста не оказалось и потому пришлось снова пуститься въ путь на поиски ночлега. Черезъ полчаса ъзы мы прибыли наконецъ къ цѣли своего путешествія. Было уже 9 часовъ вѣчера. На нашъ стукъ въ ворота насы немедленно впустили во дворъ, убрали нашихъ животныхъ и послѣ взаимныхъ привѣтствій согрѣли намъ кипятку и напоили насъ чаемъ (конечно, безъ сахару). Съ дороги мы весьма проголодались и потому попросили приготовить намъ чего-нибудь покушать. Но какъ нарочно, въ домѣ ничего, кроме кукурузной муки, не оказалось. Голодному все хорошо. Взяли чашку кукурузной муки, замѣсили тѣсто на холодной водѣ, надѣлали продолговатыхъ хлѣбцевъ и стали ихъ печь на огнѣ. Такіе хлѣбцы не могли быстро испечься и потому пришлось ихъ есть надсыпью. Съ голодухи всѣ на нихъ накинулись и въ результатѣ получилось весьма печальное явленіе. Я, расположившись въ отведенной мнѣ комнатѣ, заболѣлъ, да такъ, что и не чаялъ живымъ остаться. Уставши съ дороги, промокши до нитки, да еще покушавши такой тяжелой пищи, какъ сырое кукурузное тѣсто, какъ еще я тифа не получилъ?! Улегшись въ постель, я почувствовалъ головную боль, сильную слабость и ломоту во всѣхъ членахъ. Часу въ десятомъ утра я почувствовалъ силу подняться съ постели и первымъ долгомъ, умывшись и помолившись Богу, послалъ купить чего-нибудь покушать, ибо былъ очень голоденъ. За покупкой нужно было идти за пять верстъ, но идти вынуждался одинъ мальчикъ, которому я и поручилъ купить киселя, луку, сои, муки и соли. Онъ живо сбѣгалъ на базаръ, но, къ моему огорченію, нашелъ тамъ и принесъ черной муки по 12 центовъ за фунтъ. Мальчику можно повѣрить: что же можетъ быть въ горахъ, кроме камней? Обѣдъ—прѣсныя лепешки—приготовили, но бѣлья мало, такъ какъ голова кружилась и аппетиту не было. Оправившись на другой день, я сталъ знакомиться съ мѣстностью, обошелъ всѣ горы, предназначенные къ продажѣ, сосчиталъ даже деревья. На горахъ росло 800 штукъ красивыхъ сосенъ; фруктовыхъ деревьевъ малыхъ и большихъ болѣе 4000 шт., осинъ 60 штукъ, а дуба мелкаго такъ много, что я и считать не сталъ. Земли всего 90 му и домовъ на оной 34 цзяня. Кругомъ сада течетъ ключевая чистая вода, которая весьма благопріятно вліяетъ на всю растительность. На третій день въ первомъ часу дня я выѣхалъ съ моими спутниками домой въ г. Пекинъ. Послѣ трехчасовой ъзы мы доѣхали до гостиницы, гдѣ задумали отдохнуть. Зайдя въ оную, мы увидѣли, что здѣсь происходятъ похороны. Печальная толпа народа пріѣхала провожать покойника, почему на дворѣ стояло много осликовъ, къ каковой компаніи мы присоединили своихъ шесть. Ослики вообще не стоять смироно, а тутъ на бѣду одинъ изъ нашихъ, оборвавъ поводья, пошелъ бѣгать по двору и, наконецъ, напавъ на одного, повалилъ его и сталъ грызть. Тотъ бѣдный заоралъ на весь дворъ благимъ матомъ. Китайцы бросили покойника и, выбѣживъ на дворъ, стали водворять порядокъ. Съ большимъ трудомъ, поймавъ нашего забѣянку, мы отправились далѣе. Черезъ 8 часовъ ъзы мы пріѣхали въ одну деревню, гдѣ и переночевали, а на четвертый день прибыли благополучно въ Пекинъ.

12 Марта 1914 года.

Монахъ Евандель.

ENGENHONI NITNENONI

XANH DAU

Метеорологический бюллетень за Май 1914 г.
 (По съвѣдѣніямъ метеор. стан. Пекинской Духовной Миссіи).

Средняя температура воздуха +21,9; высшая +34,5; низкая -6,5.
 Барометръ: **maxim** 763,5; **mimin** 742,9; средн. 754,0.
 Гигрометръ: утромъ 100; днемъ 83; вечеромъ 93.
 Дней съ осадками 4; толщина слоя—11,6 мм.
 Ясныхъ дней—8, облачныхъ 18, пасмурныхъ 5.

Дней съ сильнымъ вѣтромъ 2; съ слабымъ—24; безъ вѣтра—5. NE—12;
 SE—4; S—5; SW—10; NW—20.

Два года въ запретномъ городе.

Св. Николай и Китайцы.

Изъ жизни Миссіи.

Мученическая смерть Иннокентія Фань и его семьи.

Католическая Миссія.

Рефератъ аббата Lebbe.

Протестантская Миссія.

Изъ жизни Китая.

Сынъ Неба.

Въ далекомъ Китаѣ.

Поѣздка въ Мунденъ.

Поѣздка въ Тянь-цзинь.

Поѣздка въ Хунъ-шэнъ-юй.

Метеорологический бюллетень за Май 1914 г.

Редакторъ

Игуменъ Христофоръ.

Печатать дозволяется.

Епископъ Иннокентій.

Г. ПЕКИНЪ.

Типографія Успенского Монастыря при Русской Духовной Миссіи.

1914.